

УДК 7.04

DOI: 10.53737/2713-2021.2021.56.17.023

С.А. Яценко, А.Е. Рогожинский

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О ЗНАКАХ-ТАМГАХ САРМАТОВ И ИХ СОСЕДЕЙ*

Публикуются прототипы сарматских зеркал-подвесок с тамгами, известные во II—I вв. до н.э. вокруг оз. Балхаш в Казахстане. Там же представлены позднеатагарские сюжеты в искусстве и тамги будущих правителей более западных территорий. В атагарском Большом Салбыкском кургане тамги позднего времени, аналогичные сарматским, изображены узкими полосами по краям. В поздний период использования храма Байте III среди сарматских региональных тамг преобладают знаки Нижнего Дона и «варварского» Крыма I — начала II вв., когда торговля была наиболее интенсивной. Интересны обряды над стелой с тамгами в Мингурюке. На конской упряжи и поясах римских офицеров второй четверти — середины II в. н.э. сарматские тамги относятся к среднесарматской культуре и представляют самые сильные группировки (Аорсия на западе Украины и Алания на Нижнем Дону). Эти знаки на эффектных трофеях стали частью «сарматской моды» кавалерии, наряду с военной экипировкой номадов. Рассмотрены единичные важные находки с тамгами, связанные с Ольвией и Пантикапеем.

Ключевые слова: знаки—тамги, сарматы, родина сарматских зеркал-подвесок, тамги и атагарские сюжеты у оз. Балхаш, «сарматская мода» на тамги в римской армии, ритуальное использование изделий с тамгами.

Сведения об авторах: Яценко Сергей Александрович¹, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет; Рогожинский Алексей Евгеньевич², кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Контактная информация: ¹125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российский государственный гуманитарный университет; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru; ²050010, Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко, д. 28, Институт археологии им. А.Х. Маргулана; e-mail: alexeyuro@hotmail.com.

S.A. Yatsenko, A.E. Rogozhinskii

SOME NOTES ON THE TAMGA-SIGNS OF SARMATIANS AND THEIR NEIGHBOURS

The prototypes of Sarmatian mirrors-pendants with tamgas known in the 2nd — 1st centuries BCE around Balkhash Lake, Kazakhstan. There are also late Tagar subjects in art and also tamgas of future rulers of more western territories. In the Tagar Great Salbyk Barrow tamgas of late time, similar to Sarmatian ones, were depicted in narrow stripes along the edges. In the late period of use of Bayte III temple the signs of the Lower Don and the “Barbarian” Crimea predominate among the Sarmatian regional tamgas in the 1st — early 2nd cc. CE when trade was most intense. The rituals over the stele with tamgas in Minguriuk are interesting. On the horse harness and belts of the Roman officers of the 2nd quarter — middle 2nd c. CE the tamgas belong to the Middle Sarmatian culture and represent the strongest groups (Aorsia in the west of Ukraine and Alania on the Lower Don). These signs on spectacular trophies become the part of “Sarmatian fashion” for cavalry, along with the military equipment of nomads. The single important finds with tamgas associated with Olbia and Panticapaeum are analyzed also.

Key words: tamga-signs, Sarmatians, the birthplace of Sarmatian mirrors-pendants, tamgas and Tagar motifs near Balkhash Lake, “Sarmatian fashion” for tamgas in the Roman army, ritual use of artifacts with tamgas.

* Статья поступила в номер 12 декабря 2021 г.
Принята к печати 30 декабря 2021 г.

About the authors: Yatsenko Sergey Aleksandrovich¹, Dr. habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities; Rogozhinskii Alexey Evgenievich², PhD (History), A.Kh. Margulan Institute of Archaeology.

Contact information: ¹125993, Russia, Moscow, 6 Miusskaya sq., Russian State University for the Humanities; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru; ²050010, Kazakhstan, Almaty, 28 Shevchenko st., A.Kh. Margulan Institute of Archaeology; e-mail: alexeyro@hotmail.com.

В этой статье мы хотели бы рассмотреть несколько разнотипных ситуаций с изучением тамг сарматов и связанных с ними более восточных кочевых соседей, а также тамг, скопированных римскими военными во II в. н.э. Нас будут интересовать как одиночные артефакты и их серии, так и стоящие за ними историко-культурные процессы¹.

1. Центральноазиатская прародина небольших сарматских зеркал-подвесок с боковой ручкой и отверстием. Присутствие в этих комплексах тамг. Такие сарматские зеркала-подвески встречаются обычно в могилах взрослых женщин и предположительно были их брачными амулетами (Яценко 2001: 42). Каждое зеркальце при этом уникально (хотя бы в мелких деталях); они отливались из бронзы, в условиях европейской степной зоны — в разных производственных центрах, и имеют разный состав металла. Такие зеркальца делались по индивидуальному заказу и явно не подлежали продаже и т.п. Часто они имели декоративный кольцевой бордюр и вписанный в него центральный медальон круглой или квадратной формы, подчас — с отростками на дальних концах, различные солярные символы и реже — стилизованные растительные побеги. В медальоне иногда изображалась и тамга хозяйки, видимо — клана ее отца. При довольно частых в контактных зонах браках сарматов из рядовых кланов и оседлых «поздних скифов», донских и кубанских меотов, реже — боспорских греков, нетрудно догадаться, что в этих ритуализированных случаях этничность отчасти актуализировалась. Поэтому именно в хорошо изученных больших некрополях (вроде позднескифских в Бельбеке IV и Усть-Альме, меотского в Кобяково) картографирование находок и анализ тамг на зеркалах-подвесках по участкам некрополя, по периодам и исходным регионам их хозяев дают нам очень интересную картину (Яценко 2018a: 218—223, 229—235, рис. 1—2, 7—9; 2018b: 102—105, рис. 4). Происхождение таких зеркал, возможность их производства в кочевой среде и некоторые другие вопросы оставались до недавнего времени дискуссионными. Между тем, главные свидетельства раннего бытования подобных зеркал в Великой Степи все еще не опубликованы.

Весной 2018 г. А.Е. Рогожинский обратил внимание на пару находок изображений таких зеркал-подвесок среди т.н. «пост-сакских» петроглифов II—I вв. до н.э. — I в. н.э. на краю Семиречья (Кульджабасы на западной его границе, в Чу-Илийских горах) и в Центральном Казахстане (Калмак-Эмель в Северном Прибалхашье). Об этом лишь бегло упоминалось в одной из публикаций пятилетней давности (Яценко 2018a: прим. 3). К сожалению, публикация этих важных для истории Сарматии изображений на скальных плоскостях задержалась на несколько лет (отчасти — из-за участия соавторов в совместных международных монографиях по тамгам Центральной Азии и по археологии Кангюя). Ниже эти материалы предлагаются читателю. Петроглифы пост-сакского облика, выделенные нами

¹ Участие одного из соавторов (А.Е. Рогожинского) заключается, прежде всего, в работе над первым, весьма важным для статьи очерком. Мы благодарны специалисту по петроглифам Южной Сибири Елене Александровне Миклашевич (Кемерово) за консультации, ряд наблюдений и представленные фотоматериалы, и за консультацию — Ольге Александровне Брылевой (Москва).

в 2015 г. — это особый, вполне удивительный культурный феномен, возникший в степях Казахстана (и отчасти — в приграничных районах Кыргызстана) в середине II в. до н.э., когда, по китайским источникам, в этот регион прибыли гонимые усилившимися сюнну усунь, которые сохранили в живых часть старого сакского населения, но также задержали у себя часть двигавшихся еще дальше таких же беженцев — юэчжей. Собственно скопления петроглифов пост-сакского типа — это необычное сочетание в одном комплексе изображений разных животных (чаще всего — в стилистике IV—III вв. до н.э. уже погибшей на Северном Алтае пазырыкской культуры, а также с элементами, присущими прежним местным сакам), оригинальных причудливых монстров, групп антропоморфных персонажей и серии тамг (последние, как известно, не использовались ни саками Южного и Центрального Казахстана, ни с II—I вв. до н.э. — собственно усунями в своих владениях в Семиречье, у Исск-Куля и в пограничных районах Синьцзяна). Они образуют подчас довольно сложные композиции (Rogozhinskii, Yatsenko 2015; Рогожинский 2016; Яценко и др. 2019: 142—143, рис. 1—2). Отсутствие и подобных сюжетов и самих тамг как у более ранних саков Казахстана, так и у пришедших в более южные районы усуней, уже давно позволило соавторам видеть в создателях этого стиля наскального искусства, прежде всего, такой знаменитый и оказавший затем большое влияние на судьбы Средней Азии, Афганистана и Северной Индии народ, как юэчжи.

Как сами изображения зеркал, так и пункты находок тамг среди пост-сакских петроглифов (на дальних подступах к оз. Балшах — на юго-западу и к северу от него, и к востоку — у хребта Тарбагатай (Rogozhinskii, Yatsenko 2015: fig. 1; Яценко и др. 2019: 142, рис. 1), увь, пока не сопровождаются находками подлинных зеркал в могилах, т.к. всегда речь идет о крайне поверхностно изученных археологами районах. Для пунктов с изображениями зеркал основной ландшафт вокруг в обоих случаях — полупустыня с преимущественно полынным травостоем и включением злаков (рис. 1)².

В северобалхашском Калмак-Эмеле, в Центральном Казахстане (рис. 1: 2, 2), где пост-сакские гравировки встречены в нескольких соседних небольших ущельях, интересующее нас зеркало выбито очень аккуратно и точно, на ровной наклонной плоскости высотой не более 1 м, у мини-расщелины на краю небольшого скального массива. Ранее выяснено, что петроглифы пост-сакского типа подчас образовывали единую композицию и на серии соседних скальных плоскостей (например — на всем склоне небольшой скалы) и предназначались для осмотра с довольно большого расстояния (Rogozhinskii, Yatsenko 2015: 112—113, fig. 3). В меньшей степени это относится к одиночному изображению зеркала, но и от него наивно было бы ожидать размера «в натуральную величину» (около 5—6 см): такую мини-гравировку было бы крайне трудно заметить на пересеченной местности; поэтому реальные размеры диска зеркала — около 30 см. В Калмак-Эмеле зеркало имеет центральный медальон с 8 лучами и внешний круг с 12 лучами; этот декор имеет близкие аналогии у сарматов Кубани и Крыма (см., например: Драчук 1975: табл. XVI: 33—34). На петельке боковой ручки — не одна сравнительно большая (как в Сарматии), а две очень маленьких дырочки для крепления на нить или конский волос (рис. 3).

² В тех же Чу-Илийских горах, в Южном Казахстане (горы Каратау) и на юге Кыргызстана (в Саймалы-Таш на Ферганском хребте) в контексте петроглифов известна также серия зеркал эпохи бронзы (Рогожинский 2011: 95, рис. 4; Сулайманова, Жолдошов, Дуйшаналиева 2016: 33, 39). В Чу-Илийских горах представлены и зеркала в наскальном искусстве сакского времени (Рогожинский, Аубекеров, Сала 2004: 73—74, рис. 1: 2). Специальный комплексный и детальный анализ этого «царства зеркал» в петроглифах разных эпох в контексте соответствующих сюжетов — тема будущего исследования соавторов.

В Кульжабасы, в глубине низких Чу-Илийских гор, на западной границе Семиречья (недалеко от границы владений Усунь и будущего Кангюя), представлен не менее, а во многом — более интересный образ зеркала-подвески (рис. 4—5). Прежде всего, это зеркало включено в оригинальную композицию с более схематичными и синхронными фигурками животных. К тому же, это не единственное зеркало на краях этой сцены: здесь представлено и зеркало иного типа, имеющее аналогии с сарматов как раз II—I вв. до н.э. (рис. 5: 2). При этом из всех объектов только зеркало-подвеска передано очень точно и со множеством мелких деталей. В целом композиция с зеркалами, вписанная в округлую ровную плоскость сланца, выглядит так (рис. 4). Главная часть ее, в известной мере — верхняя: здесь в центре изображена вертикально фигура кошачьего хищника, ниже его в его сторону по бокам смотрят стоящие козел и лошадь. Над лошадью изображено уже упомянутое зеркало с длинной, расширяющейся книзу ручкой (2), правее бежит небольшая лошадка с длинным хвостом. Ниже этой сцены, в центральную линию, представлено более-менее горизонтально «шествие» 6 козлов, и его также замыкает справа зеркало-подвеска (от которого отходит кверху нечто вроде шнурка) (1). Заметим, что оба зеркала разных типов представлены в горизонтальном положении. В нижнем ярусе гравирована довольно крупная фигура оседланной лошади (?) и два небольших животных сзади ее. В самом низу композицию замыкают два миниатюрных козла. В целом в этой сцене — четыре яруса изображений; три лошади изображены здесь в правой части; определяемые козлы представлены парами³.

Особый интерес представляет для нас зеркало-подвеска (рис. 4: 1). У него нет выделенного линиями декоративного бордюра, а боковой выступ, как и в Калмак-Эмеле, имеет два миниатюрных отверстия. В центре зеркала находится тамга из двух находящихся рядом кружков. Она известна у сарматов, например, на т.н. «писаной плите» с примерно 480 знаками, найденной в бывшей столице Боспора в 1870 г. (Драчук 1975, табл. XXXV: кв. 32—33). Но еще более важно то, что та же самая тамга изображена (сдублирована) очень аккуратно сверху над зеркалом, в 4 см от него (3)⁴. При отсутствии завершенного декоративного бордюра, на зеркале есть явственный символический намек на него: между выступом с подвеской и тамгой в ряд прочерчены несколько точек, а также, видимо, два схематичных трилистника (позже — популярный элемент декора подобных сарматских зеркал). Итак, мы видим в этой сложной сцене ряд удвоений: две одинаковых тамги (на зеркальце и рядом с ним), два зеркала в горизонтальном положении по правому краю. Из животных представлены 3 лошади и 7 козлов (священные числа), а по левому краю в разных ярусах, возможно — две собаки. Если зеркало с длинной ручкой замыкает сложную композицию сверху, то зеркальце-подвеска замыкает «шествие» ряда козлов по центру.

Для того, чтобы уточнить место композиций с зеркалами-подвесками в кругу пост-сакских петроглифов вокруг Балхаша, стоит *обратиться к ряду других сюжетов того же стиля в Калмак-Эмеле*. В них представлена как серия важных для понимания ситуации тамг, так и довольно неожиданная серия южносибирских «инноваций», но связанная уже не с бывшими «пазырыкцами», а с тесинским этапом культуры позднетагарского времени в

³ Связь зеркала с образом животного проявлялась в ритуале по-разному. Так, по любезному сообщению В.Р. Эрлиха, на Кубани, в погребении 177 второй половины II в. до н.э. Тенгинского грунтового могильника сарматизованных меотом у знатной дамы («жрицы») на крупное зеркало был аккуратно положен труп любимой маленькой собачки (Беглова, Эрлих 2018).

⁴ Интересно, что на плитке с тамгами из кангюйского кургана каунчинской культуры в некрополе у городища Мингурюк в Чаче (рис. 17) часть знаков сопровождается парой отдельных точек (маленьких кружков), являющихся неким важным элементом. То же мы видим на тамгах с некоторых зеркал-подвесок в таком большом некрополе Малой Скифии, как Бельбек IV, в между 100 и 250 гг. н.э. (Яценко 2018а: рис. 1: периоды 2 и 6).

Хакассии (между тем, Минусинская котловина удалена от этого пункта только напрямую примерно на 1 200 км и находится в совершенно иных природных условиях). Прежде всего, в одной из композиций в соседнем небольшом ущелье рядом с фигурой лошади видим очень интересную тамгу, которая, похоже, была поновлена в средневековье (рис. 6: 1). Этот знак важен для понимания этнополитической истории Центральной Азии. Он вскоре представлен на хорезмийских монетах (в частности — царя Вазамара, Т8 по Б.И. Вайнберг (рис. 7: 2), а его чуть упрощенную версию мы видим у коня кангюйского аристократа на костяных бляхах пояса I в. н.э. из Орлата (в уточненной прорисовке Дж.Я. Ильясова) (Яценко и др. 2019: 150—151, рис. 8: 8—9, 12—13) и на кангюйском же изображении волка в южноказахстанском Ешкиольмесе (Яценко и др. 2020: 165, рис. 7.1). Однако прототипом его можно считать такой же знак (нижняя часть которого перекрыта несколько более поздним изображением) на тесинском изображении из музея в Минусинске (Хакассия) (рис. 6: 3)⁵. Как стало недавно ясно, в полупустынях и горах на юго-востоке Казахстана и в пограничных с ним горах Кыргызстана, в малонаселенных районах, во II—I вв. до н.э. проживали истинные «делатели королей» (как выразились бы англичане в конце средневековья). Трудно не согласиться этим: ведь знаки, которые принадлежали «скромным» местнымномадам того времени, мы вскоре увидим на монетах двух ранних царей Хорезма, великого кушанского императора Канишки I, одного из Боспорских царей первой половины I в. н.э. и у Инисмея Аорского! (рис. 7).

На этом замечательном фоне не затеряется еще один знак (рис. 6: 2). Он представляет собой небрежно исполненную свастику со скругленными углами, на одном из концов которой видим небольшую дополнительную и более тщательно исполненную S-видную тамгу, оставившую свой след от озера Балхаш до монет Боспорского царства (Яценко, Чорев 2022: рис. 1, 3). Не меньший интерес, чем предыдущие, представляют собой неоднократно встреченная в Калмак-Эмеле тамга тагарско-тесинского происхождения в форме стилизованного конского копыта (в Прибалхашье она обводилась кружком) (рис. 8, 9: 2). Эти тамги Минусинской котловины до Сарматии не дошли. В одном случае такой знак явно был центром сложной композиции (рис. 8). Он окружен семью (священное число) идущими вправо вокруг него копытными (лошадьми и козлами) и собаками. На другой плоскости в том же Калмак-Эмеле (рис. 9: 2) такая тамга тоже сопровождается копытными, идущими вправо (козлом, верблюдом и лошадей); выше представлен олень, вероятно, преследуемый собакой. Необычной особенностью пост-сакских гравировок Калмак-Эмеля можно считать неоднократно представленные характерные фигуры «тагарских человечков» (по Е.А. Миклашевич — тесинских) (рис. 10: 2—3), в том числе — с характерными тагарскими султанчиками на головных уборах (рис. 9: 1). Не менее показательны и аналогичные хакасским фигуры оленей «в жертвенной позе» (рис. 10: 3).

Итак, на северной границе зоны петроглифов пост-сакского стиля, в полупустынях вокруг Балхаша, мы наблюдаем целую серию изображений в манере позднетагарского (тесинского) времени Хакассии (которые, по нынешнему мнению Е.А. Миклашевич, наносились тесинцами на более ранних тагарских памятниках), включая и характерные тамги, а также первые из известных зеркал-подвесок, попавших затем к сарматам. Как прокомментировать такую ситуацию? Думается, некоторые полезные комментарии мы без труда найдем в существующей научной литературе. Так, еще в своей докторской диссертации А.С. Скрипкин неоднократно отмечал попадание серии специфических деталей костюма «тесинцев» Хакассии во II—I вв. в степи Сарматии, причем — минуя собственно

⁵ Фото Е.А. Миклашевич любезно представлено авторам 04.02.2022 г.

Среднюю Азию, более северным «степным коридором» через Центральный Казахстан (Скрипкин 1992: 9, 19, 23, 26). Позже антрополог М.А. Балабанова считала наиболее близким будущим «поздним сарматам» (чья культура окончательно оформилась около середины II в. н.э. на Южном Урале) именно население «тесинской» Хакассии (Балабанова 2012: 87—88). При этом местом зарождения самой позднесарматской культуры ведущий современный сарматолог М.Ю. Малашев с высокой вероятностью считает Центральный Казахстан (Малашев, Мошкова 2010: 49), где и располагается Калмак-Эмель⁶.

2. Тамги сарматского облика в Хакассии тесинского времени. Этот сюжет, как увидим, тесно связан с предыдущим. Его удобно рассмотреть на примере самого большого скопления тамг ранних кочевников в Минусинской котловине — на угловом (юго-восточном) большом (длиной 4,35 м, высотой 4,12 м и толщиной 0,5 м) камне № 14 ограды «царского» тагарского кургана Салбык (основной комплекс которого раскопщик склонен датировать еще началом VII в. до н.э.). На внутренней стороне этой массивной песчаниковой вертикальной плиты были нанесены сотни знаков, большинство из которых принадлежало самим «тагарцам» (а также более поздним «тесинцам»), и, кроме них — немалое число средневековых тамг (поверхность которых менее патинизирована), определимых «этнографических» тамг хакасов, христианских крестов и сопровождающих их надписей, дат посещения и имен недавних туристов и т.п. (рис. 11). Похоже, практически вся внутренняя плоскость плиты была в древности покрыта сотнями древних тамг. При прорисовке знаков в первоначальной публикации мы с Л.С. Марсадоловым использовали более всего детальные старые фото плиты середины XX в. (Marsadolov, Yatsenko 2004: 95, fig. 4: 1—2, 5: 1) (рис. 12). С.А. Яценко удалось сфотографировать детально все сохранившиеся знаки этого камня примерно 70 лет спустя, в сентябре 2021 г. (рис. 13). За это, сравнительно короткое время поверхность плиты сильно пострадала: происходило весьма интенсивное отслаивание песчаника, и практически не сохранилась верхняя часть изображений; сильно пострадали (сильнее стерлись) и все изображения справа (по отношению к зрителю), на западном краю плиты. Еще до первых фото этого замечательного комплекса отслоились также изображения верхнего восточного угла и внизу по западному краю (на рисунке —верху слева и внизу справа). Тем не менее, и сегодня статистически представительная выборка изображений разных эпох сохранилась в нижнем ярусе. Проведем простой эксперимент. Попробуем вычленить (как по старым фото, так и по современным) только те знаки, которые имеют точные или очень близкие аналоги в Сарматии. Мы получим весьма любопытную картину (рис. 14). Такие тамги размещены на обширной поверхности плиты очень неравномерно: они идут узкой полосой по нижнему краю видимой поверхности, а справа и вверху нередко образуют линии (как горизонтальные, так и наклонные). При этом тамги, аналогичные сарматским, обычно малого размера и явно были вписаны в свободное от тагарских знаков пространство. Перед нами, наверняка, именно знаки «тесинцев», которые оказали, как говорилось выше, влияние на будущие сарматские группировки.

3. Сарматские тамги в основных скоплениях *in situ* в бывшем храме Байте III на плато Устюрт: хронологический и региональный аспекты. Как известно, по данным сейсмологов, первоначальный храм IV в. до н.э. сильно пострадал от мощного землетрясения в III—II вв. до н.э., вскоре был частично отремонтирован сарматами, а затем был совсем

⁶ Близкие аналогии в Сарматии имеет, как известно, и скопление тамг на скале Айгыр Ушкан в 130 км к юго-востоку от Караганды, у горы Коньсбай (Яценко и др. 2019: 311—313, рис. 3: 1).

заброшен путниками после второго сильного землетрясения XIV в. Сарматами и другими народами он в отчасти отремонтированном виде использовался на шедшем здесь еще в раннем средневековье торговом пути. Эта трасса, видимо, стала актуальной после 20 г. до н.э., когда государь «кочевой империи» Кангюй наконец решился дать заложников из своей семьи в китайскую столицу и помириться с давним врагом «рад выгод торговли» (Яценко и др. 2020: 30, 49—51).

Два самых крупных скопления знаков 1 и 2 находятся при входе в миниатюрный дворик в форме мальтийского креста (соответственно — под лестницей и на соседнем выступе стены). Сарматские знаки рубежа н.э. — III в. н.э. в некоторых из 5 скоплений дают около 50% общего числа (наряду с сугубо местными, а также более редкими хорезмийскими, кушанскими, кангюйскими и пост-тагарскими). В целом здесь преобладают сарматские тамги среднесарматского времени (начало I — середина II вв. н.э.) (Яценко и др. 2019: 85). Увы, немалое число таких тамг сегодня еще нельзя связать с сарматскими кланами конкретных культур (средне- и позднесарматской) и отдельными регионами Сарматии, т.к. большинство из них известны в Восточной Европе лишь на межрегиональных (и нередко — длительного использования) скоплениях-«энциклопедиях». Обо всем этом нам уже приходилось писать, в т.ч. со ссылками на конкретные сарматские аналогии (Яценко и др. 2019: 70, 72—81, 85—88, рис. 2: 4, 3). Однако сейчас попробуем выяснить: не даст ли нам интересную информацию анализ размещения сарматских тамг (самых многочисленных в комплексе с 273 типами знаков) по двум сарматским культурам, и по определимым на сегодня клановым символам из конкретных регионов Сарматии? Нумерация знаков нами дается по их итоговой таблице (Яценко и др. 2019: 82, рис. 6).

Начнем с самого обильного тамгам *участка 1* (всего там выявлено 98 знаков 89 типов) (рис. 15). 42 знака имеют здесь точные аналогии в Сарматии, но, увы, большинство из них на сегодня не локализуется по конкретным регионам. Попробуем поработать только с теми из них, которые идентифицируются для регионов; думается, мы получим вполне представительную выборку, отражающую ряд общих тенденций для сарматских знаков этого святого места в целом (буквы С или П рядом с конкретными знаками на рис. 15—16 указывают на их принадлежность среднесарматской (а иногда и времени рубежа н.э.) или позднесарматской культуре, числа означают номер знака в общем каталоге по Байте III).

Прежде всего, мы обнаружим, что такие определимые региональные знаки размещены не по всей зоне нанесения тамг (их нет на верхнем и нижнем краях, но много в самом плотном скоплении знаков слева). Далее, мы видим господство именно тамг среднесарматской культуры. Среди них преобладают четыре типа знаков бассейна Нижнего Дона (№ 208 — три раза⁷, № 84 — 2 раза рядом, тамги S № 103 и № 136 — по одной) и «варварских» районов Крыма (№ 6 — дважды; № 163, № 273 (Яценко 2018а: 224, рис. 3: 1), № 124 — по одной). Северное Приазовье представлено двумя типами (№ 36, 133). Остальные регионы Северного Причерноморья представлены по одному типу знаков: Кубань (№ 9, дважды), Боспор (№ 70 — «знак царицы Динамии») и днепровское Правобережье (№ 168а). Интересно их размещение: нижнедонские размещены горизонтальной полосой в верхней части, крымские — ниже (при этом три из четырех идут в одну линию), одинаковые кубанские — у левого края. Позднесарматские тамги малочисленны, и по одной представляют Европейский Боспор (№ 77), Крым (№ 179) и днепровское Правобережье (№ 172), то есть — западные окраины Сарматии. Они образуют вертикальную линию в центре главного скопления.

⁷ Этот тип тамги встречен на золотых бляшках женского платья донских аристократок неоднократно.

На участке 2 (92 знака, 78 типов) сконцентрированы 23 тамги, идентичные сарматским и еще 9 — имеющие близкие аналогии (рис. 16). Обратимся опять к определяемым региональным знакам Сарматии. Во-первых, здесь все такие тамги сконцентрированы только в левой части, отделенной от соседнего массива стены узкой трещиной от раннего землетрясения. Во-вторых, только один поздний донской знак № 54 представлен трижды, остальные одиночны. В-третьих, среднесарматские тамги тоже явно господствуют.

Рассмотрим вначале среднесарматские образцы. Как и в скоплении 1, здесь более всего нижнедонских эмблем (№ 104, 136, 150, 236). На втором месте снова крымские тамги (№ 90, 163). Подобно скоплению 1, оба кубанские знака принадлежат к тому же типу № 9/11 (известному на золотом амулете с «Золотого кладбища»). Донские тамги при этом разбросаны парами—тройками вверху и внизу, а крымские практически представлены в одну линию. Очень простые позднесарматские знаки — это тоже, прежде всего, донские (№ 54 — трижды, № 233 (они размещены по правому краю до трещины) и один боспорский (№ 148). Эти поздние знаки представлены как бы на периферии основной зоны размещения.

Итак, какую информацию дает нам такой анализ? Представленные знаки в Сарматии обычно происходят из достоверных комплексов региональной знати. Самую большую группу для обоих периодов дают нижнедонские номады, на втором месте — крымские сарматы и сарматизованные «поздние скифы». Многие районы распространения сарматских тамг здесь вообще не представлены (Поволжье, Приуралье, Северный Кавказ, Верхний Дон — то есть наиболее удаленные и в целом восточные области, хотя они, казалось бы, должны быть территориально ближе к Байте III). Представляется, что такая ситуация наглядно характеризует структуру торговых операций сарматской знати на караванном пути Дон — Южное Приуралье — Хорезм, функционировавшем, судя по тамгам, прежде всего, в I и начале II вв. н.э. (Яценко 2017; Яценко и др. 2020: 49—55, рис. 3-1). В I—II и во II—III вв. сарматские группировки в низовьях Дона (на наиболее плодородных пастбищах Сарматии) была самыми многочисленными и весьма сильными, а жители крымской Малой Скифии получали (судя хотя бы по их некрополям) особенно много греко-римских изделий. На памятниках обоих регионов неоднократно встречались кости верблюдов, необходимых для караванной торговли, обе обитали у важных портов на Черном и Азовском морях. Именно выходцы из них и отметились более всего в частично восстановленном храме Байте III.

4. Обряды с плитами с серией тамг и антропоморфными / зооморфными изображениями (Минугурюк, Кривой Рог, округа Ольвии). В 1997 г. в Ташкенте, на месте предполагаемого курганного некрополя каунчинской культуры Кангюя (тесно связанного с разными сарматскими группировками), видимо, в его насыпи (курган оказался на школьном дворе) была найдена небольшая плитка из песчаника подпрямоугольной формы с заостренным верхом (высота 37 см., толщина — 5 см) (Богомоллов 2003: 84, 92, рис. 1—2). На ней представлены 10 сложных тамг (то есть, видимо — принадлежавших знати, т.к. рядовым кланам сложные формы были в быту ни к чему) по периметру прямоугольной рамки с антропоморфной фигурой в ней, солярным знаком наверху и неясной сложной композицией внизу (рис. 17). К сожалению, описание плиты весьма краткое, и в основном статья содержит серию смелых догадок Г.И. Богомоллова о трактовке сюжетов гравировок (сделанных очень аккуратно металлическим чеканом) и о назначении самой мини-стелы.

Нас эта миниатюрная плита интересует только в одной аспекте: в плане предполагаемых обрядов, которые с нею смогли совершать. Дело в том, что недавно одним из авторов и двумя коллегами из Одессы в совместной статье были разнопланово проанализированы две давно известные сарматские стелы из неогенового известняка из Одесского

археологического музея более крупного размера (высотой 100—110 см, шириной до 80 см, толщиной около 15 см). Они происходят из Кривого Рога и «Анапы» (в ранней музейной документации удалось уточнить, что в действительности — из Ольвии или ее округи) и также имеют антропоморфную или зооморфную композицию в центре и серию тамг вокруг (Яценко, Шевченко, Усенко 2022: рис. 1—11). Они крепились в грунте вертикально с помощью нижнего выступа—шипа и, вероятно, первоначально были установлены на возвышении типа кургана. Геологом В.П. Усенко в ходе специальных исследований последовательных минералогических наслоений и разрушений на поверхности плит было установлено, что после III в. н.э. обе они были представителями более поздних культур (готами или гуннами, или же более поздними тюркскими племенами) вначале вывернуты из земли вместе с шипом, затем положены лицевой стороной вверх под небольшим наклоном (в начале склона?) и, видимо, немного присыпаны грунтом. Много позже, в XVIII — начале XIX вв., их выкопали местные крестьяне, частично поновили изображения, установили на открытом воздухе и, похоже, использовали их в целях метеорологической магии. Для нас важно, что с обеими сходными стелами (несмотря на немалое расстояние между пунктами, где они стояли) поступили после их основного функционирования на всех этапах совершенно одинаково.

Интересно сопоставить эту ситуацию с той, которую мы наблюдаем для миниатюрной плитки из Мингурюка. Здесь картина восстанавливается следующим образом. Предположение Г.И. Богомолова о том, что эта тонкая плитка устанавливалась на кургане вертикально, кажется нам невероятным: ведь вся ее лицевая поверхность покрыта изображениями, и никакого нижнего выступа для ее вкапывания нет (версия о том, что она могла вставляться в некую особую (деревянную?) рамку для этого, выглядит весьма экзотичной). Более интересны некоторые его описания артефакта, из которых можно сделать ряд выводов. Во-первых, плита явно оформлена, со всеми изображениями, одновременно, и, видимо — для одной конкретной акции (скорее всего, отражающей военно-политическое единство тех 10 кланов, представители которых участвовали в мероприятии), которая наверняка сопровождалась неизбежными клятвами, пирушкой и т.п. Во-вторых, затем плиту, видимо, перевернули лицевой стороной вниз, и она долго лежала на поверхности в таком положении, т.к. лишь на ее тыльной стороне отложились известковые наслоения (образовавшиеся под воздействием атмосферных осадков). В-третьих, стелу, похоже, закопали (захоронили) недалеко от поверхности кургана, предварительно очень аккуратно разбив ее на три части (без малейших сколов и малых трещин), то есть «убив» ее, т.к. сколы на момент находки выглядели старыми. Получается, что, в отличие от двух сарматских плит с Украины, все обряды с кангюйской мини-стелой проводили представители одной и той же культуры.

5. Сарматские тамги в оформлении конской упряжи и поясов римской армии II в. н.э. Несколько лет назад Д.А. Костромичевым были обобщены соответствующие находки и проанализирована «мода» на сарматские тамги в римской армии, начиная, видимо, с императора Адриана (117—138), при котором легионеры стали активно перенимать сарматскую тактику и вооружение, прежде всего — в кавалерии. Автор формулирует свою задачу как исследование «оформления деталей римского военного снаряжения стилизованными тамгообразными знаками», и затем ведет речь «только об орнаменте вещей, а не о полном воспроизведении чужеродных образцов предметов» (Костромичев 2016: 126, 134). Когда подобные находки имеют «узкую» датировку, можно говорить о второй четверти — середине II в. н.э. (Костромичев 2016: 129—131).

Внимание к изображениям сарматских тамг у нас с Д.А. Костромичевым заметно отличается: его не интересует, в какое именно время и в каких регионах бытовали исходные идентичные формы сарматских тамг, были ли они вообще точно воспроизведены, как именно началась стилизация их форм и т.п. У нас также разный стаж работы с тамговым материалом: так, те воспроизведения тамг, которые автору кажутся очень стилизованными (на упряжи из Сисции: Костромичев 2016: 131, рис. 3: 6) для нас – вполне точно переданная тамга. Напротив, свастика с округлыми окончаниями — настолько распространенный в разных культурах знак, что включить его в сводку мы бы не решились (псалий из Цугмантеля) (Костромичев 2016: рис. 3: 7). Эти моменты сказываются и на характере выводов. Не всегда удачно выглядит отбор «римских» изделий для изучения: так, целый и уникальный комплекс предметов сарматской всаднической экипировки в могиле знатного фракийца в Рошава-Драгане является скорее военным трофеем, и он раньше остальных (вторая половина I в. н.э.), а упряжь в варварском погребении в Муше (за пределами Римской империи) не имеет близких аналогий в оформлении конского снаряжения в собственно имперских владениях. Из материалов, предоставленных Д.А. Костромичевым, вполне ясно, что сильная стилизация форм тамг и дизайнерские фантазии на этой почве начались еще во второй четверти II в. н.э.; они представлены именно на ажурных деталях поясов в Новиодуне у румынского устья Дуная, в Сингидуме (северная Сербия) и в более дальнем Цугмантеле (Германия) (Костромичев 2016: рис. 4: 1–3, 11–15, 5: 3).

Обратимся теперь только к пунктам, где на изделиях есть вполне различимые сарматские тамги. Таких пунктов всего лишь пять, они находились как на линии лимесов, так и на некотором от них отдалении. Это, прежде всего, Дуросторум в Болгарии, где стоял XI Клавдиев легион; Сисция в Хорватии, где была римская военная колония; фракийская могила в Брезово в Болгарии, где есть и детали римской кавалерийской экипировки; два пункта в Мавритании (Марокко), где стояли (в Волюбилесе и Тамусиде) против набегов сахарских берберов кавалерийские алы, недавно воевавшие у Дуная (рис. 18). Показательно, что в четырех комплексах из пяти это предметы конской упряжи — псалии и подвески, и лишь в одном пункте (Дуросторум, ближе всех находившийся к сарматским кочевьям) — накладки поясов. Итак, попробуем вначале выяснить: есть ли среди 8 типов известных тамг (рис. 18) позднесарматские (ведь для ряда комплексов предполагается время по середину II в. н.э., когда начала распространяться позднесарматская культура), и как территориально распределяются клановые эмблемы в целом? Нам неожиданно повезло: все типы тамг имеют локальную территориальную «прописку», что для таких серий бывает редко.

№ 1 представлен на узде из Тамусиды (Мавритания / Марокко). Этот тип тамги определенно связан с низовьями Дона. Самая раннее его документированное изображение — на зеркале-подвеске из парного погребения супругов в катакомбе 10 1999 г. в Кобяково, которая датируется первой половиной II в. н.э. (Ларенок 2013: 10—12, 264, 269, табл. 7: 8—1).

№ 2 известен на упряжи из Сисции. В Сарматии он бытовал в двух вариантах, являвшихся зеркальным отражением друг друга по горизонтали, и, скорее всего, принадлежал к одному клану. Первое его изображение представлено в виде граффити на миске из некрополя Битак на окраине Неаполя Скифского; подбойная могила 40 датируется первой половиной II в. н.э., а сам знак имеет центральноазиатское (кангюйское) происхождение (Яценко 2018а: 224, рис. 3: 1).

№ 3 — единственный, представленный в римской военной амуниции неоднократно (дважды) — на упряжи из Брезово и на поясе из Дуросторума. Он связан с днепровским

Правобережьем и изображен финифтью на днище золотого флакона I в. н.э. из Ольвии, найденного около 1865 г. (Соломоник 1959: № 63).

№ 4 видим на ажурных накладках пояса из Дурострума. У сарматов он бытовал в комплексах достоверно среднесарматского времени на Правобережной Украине и в одном случае — на каменной стеле в Запорожье, на восточном берегу Днепра у переправы (курган 2 1957 г.). Он известен в одиночку на стеле из Тецкан, в скоплении — на стеле из Кривого Рога, а также на бронзовом зеркале из Ольвии (Драчук 1975, табл. XXXI: 2—3; Яценко 2001: рис. 5: 84, 19: 1).

№ 5 на упряжи из Сисции весьма оригинален. Он имеет близкую аналогию также на упряжи (железной) из среднесарматской могилы кургана 2 в Красноармейском, в низовьях Дона (Яценко 2001: рис. 5: 27). Отличается он тем, что кружок помещен не на нижнем, а на верхнем краю фигуры, что обычно для вариантов знака родственников.

№ 6 представлен на упряжи из Волюбилиса в Марокко и исходно, видимо, связан с бассейном Нижнего Дона: очень близкий вариант представлен в начале I в. н.э. на серебряном сосуде из Жутово (Яценко 2001: рис. 4: 9), идентичный — в скоплении знаков I—II вв. в гроте 37 Каменной Могилы в Северном Приазовье (Яценко 2001: 69—70, рис. 13: IIIb).

№ 7 изображен на упряжи в Волюбилисе (Марокко). Он известен на трофейном сарматском мече из Рошава-Драганы второй половины I в. н.э. (Яценко 2001: рис. 5: 105) и явно связан с сарматами Правобережной Украины. Еще раньше, в первой половине I в. н.э., этот знак представлен в виде ряда однотипных на сосуде из крепости Артезиан под Керчью, где на боспорской службе, видимо, были представители нескольких сарматских объединений (Винокуров 2007).

№ 8 видим на ажурных деталях пояса из Доросторума. Он бытовал в низовьях Дона еще в первой половине I в. н.э. и известен, в частности, на бронзовом котле из кургана 1 у совхоза Донской (Винокуров 2007: рис 4, № 15).

Итак, в нашей коллекции нет ни одного знака позднесарматского времени. Среди представленных господствуют нижнедонские (4 типа, 4 пункта) и западноукраинские (3 типа, 4 пункта), и лишь знак № 2 — крымский. Такое «представительство» не может быть случайным: ведь именно в низовьях Дона и на Западной Украине после середины I в. н.э. обитали две сильнейшие кочевые группировки Сарматии, известные в источниках как «Аорсия» и лукиановская «Алания». При этом донские аланы проживали гораздо дальше от римских владений, чем аорсы Западной Украины, но зато для них источниками документируются достаточно регулярные очень дальние рейды (на Армению, Северный Иран и др.). Интересно, что та же картина представлена и у кавалеристов в далеком Марокко (два знака — нижнедонских и один — западноукраинский).

Как интерпретировать такую историко-культурную ситуацию? Приведенные знаки в основном (кроме № 1 и 2) связаны с аристократическими кланами, подчас представлены на цельнозолотых изделиях, на декорированном золотом оружии, очень редких у сарматов элитных надмогильных каменных стелах и т.п. Известно, что со времен Марка Аврелия (после 161 г. н.э., то есть уже после интересующего нас времени) сарматы поставляли Империи подчас крупные вспомогательные контингенты кавалерии, а решающий переход к местному комплектованию легионов произошел как раз при Адриане (Банников 2013: 33—36). Однако трудно себе представить представителей знатнейших родов Алании и даже Аорсии, бросившими зачем-то свои владения и добровольно пошедшими на не слишком высоко оплачиваемую регулярную службу в римской кавалерии, причем очень далеко от своих родных кочевий (от устья Дона, тамги откуда известны в наибольшем числе, до ближайших мест находки таких изделий — не менее 1 200 км только напрямую, без учета

дорог, переправ и т.п.). Поэтому представляются реальными два объяснения этого явления. Во-первых, использование тамг в результате побратимства участников сарматских набегов и римских офицеров кавалерии при заключении перемирий и т.п.: с точки зрения номадов, это делало такое употребление легитимным. Во-вторых, учитывая переход во времена Адриана части римской кавалерии на некоторые сарматские приемы ведения боя, на появление у нее серии воинских сарматских атрибутов (некоторых типов холодного оружия, доспеха, шлемов, штандартов-драконов и т.п.), оформление дорогой и экзотической экипировки знатных противников-сарматов., добытой как трофеи в ходе пограничных стычек, то они могли стать престижным элементом копирования, проявлением своеобразной «сарматской моды». Римских заказчиков и мастеров могла также привлечь и сложная орнаментика сарматских щитов, шлемов и колчанов, которая детально и, похоже, вполне корректно передана на базе колонны Траяна в Риме, на триумфальной монете Марка Аврелия 176 г. и др. (Яценко 2022: рис. 11). Именно этот, второй вывод, сделанный в основном, Д.А. Костромичевым, кажется нам наиболее реальным объяснением. Разумеется, сакральные и прочие функции таких тамг у сарматов римскому провинциальному офицерству были при этом совершенно безразличны⁸. В рамках такого видения сарматских тамг в римской армии понятна и сильная их стилизация и изрядные дизайнерские фантазии на эту тему на поясах из Новоиодуна, Лозена, Сингидуна и Айнинга на дунайском лимесе, а также в поясе из Цегмантеля — на рейнском (Костромичев 2016: рис. 4—5). В достоверных случаях такие находки датируются около середины II в. н.э. (Костромичев 2016: 131). Любопытным результатом осмысления этого процесса можно считать и появление боспорских «наградных офицерских» ажурных пряжек с местными царскими тамгами с третьей четверти II в. н.э. (ср. Treister 2000: 372).

6. Свинцовый диск из Ольвии. До сих пор мы говорили о сериях сарматских (и аналогичных им) знаков и объектах с ними. Теперь рассмотрим две интересные единичные находки, которые ранее публиковались, но еще не получили, на наш взгляд, адекватной интерпретации. Одной из них является тонкий свинцовый диск размером в среднем около 3,6 см, найденный в 2003 г. в Верхнем городе в Ольвии, у основания развала оборонительной стены цитадели II—III вв. Он был сильно поврежден окислами, и знаки удалось более-менее ясно представить лишь благодаря микроскопу. К сожалению, в прорисовку В.В. Крапивиной попали и многочисленные царапины, участки которых подчас принимались за причудливые выступы на основном знаке (Крапивина 2004: 205, рис. 1—3). На нашей иллюстрации все очевидные царапины для ясности удалены (рис. 19). Находчица затруднялась интерпретировать этот уникальный предмет, как и датировать его изготовление. Ниже мы попробуем это сделать.

Начнем со стороны, где представлены сразу два знака (она кажется более важной). Они не имеют точных аналогов в регионах. Знак № 1 представлен пока только в скоплении на льве № 2 из Ольвии (Драчук 1975: табл. LI: 57). Знак № 2 является результатом перпендикулярного наложения двух исходных знаков других кланов: крупный из них имеет близкую аналогию на глиняной плакетке I в. н.э. из Сырского городища в верховьях Дона (Яценко 2001: рис. 24: IV)⁹, а второй компонент известен у среднесарматской знати Нижнего Дона (Кирсановский III) (Яценко 2001: рис. 1: I). На оборотной стороне представлен хорошо

⁸ Ср. версию С.В. Воронятова, основанную на мнении Ф. Кардини, о якобы сознательном магическом «присвоении геральдики» противниками сарматов с середины II в. н.э. и нашу критику ее (Яценко 2020: 413).

⁹ Это также скопление из 4 знаков, видимо — этой и прилегающих с юга к этому глухому лесостепному району сарматского мира территорий.

известный и уже упоминавшийся знак аристократии западноукраинской Аорсии № 3. В целом, похоже, на одной стороне могли быть представлены нижнедонские знаки, связанные с аланами, а на другой — связанный с Аорсией Фарзоя, Инисмея, Умабия и др. В таком случае мы опять видим представительство двух крупнейших тогдашних сарматских объединений (сходную ситуацию мы наблюдаем и среди множества знаков на арфре I в. н.э. из могилы 1918 г. в Козырке у той же Ольвии (Яценко 2001: 77—78, рис. 25: I). Что касается назначения этого изделия, то думается, оно было изготовлено для нескольких общих гаданий (типа современного метания монетки, падающей лицевой или обратной стороной). Сам мягкий материал (свинец) говорит о том, что на большое количество таких метаний диск изначально не рассчитан, и оно не требовалось. Не исключено, что таких дисков был целый набор, подобный сарматским комплектам игральных / гадательных альчиков овцы (Яценко 2016: 39—40).

7. Костяной нож из окрестностей Керчи. В одной из частных коллекций Е.Я. Туровский около 20 лет назад смог посмотреть и зарисовать (увы, в масштабе это было сделать нельзя) уникальное костяное изделие. По словам владельца, оно было найдено на пахоте в районе разрушающейся курганной группы. Поскольку остальные интересные находки из данного пункта явно были скифскими, публикатор посчитал и этот артефакт синхронным. Между тем, нечитаемая по-гречески, тщательно вырезанная надпись греческими буквами сопровождается здесь сложной сарматской тамгой (рис. 20). По наиболее близкой известной аналогии форме тамги (в склепе 16 в Усть-Альме) мы вначале предполагали среднесарматскую датировку (Яценко 2009: 545). Однако в феврале 2022 г. М.М. Чореф любезно датировал надпись по особенностям почерка III—IV вв. н.э. — периодом наибольшей варваризации и кризиса Боспора. По его мнению, хотя текст не читается по-гречески, в нем присутствуют элементы, характерные для индоевропейских языков (ср. Гамкрилизде, Иванов 1984). Расшифровка этого текста — дело будущего. Интересно, что тамга вырезана здесь как некое важное дополнение к надписи, ее своеобразное продолжение. Итак, малозначащая, на первый взгляд, случайная находка из разрушенного кургана оказывается интереснейшим памятником позднебоспорской культуры.

Наши очерки были построены таким образом, чтобы продемонстрировать разные возможности и приемы работы с тамговым материалом как самих сарматов, так и связанных с ними самой Историей их ближних и дальних соседей, а также характер включенности этих клановых эмблем в разнообразные культурные процессы. Учитывая дальние миграции предков сарматских группировок, активную военную деятельность сарматов вне своих кочевий, их интенсивные контакты с оседлыми соседями, для этого нам вместе с читателем пришлось проделать основательное путешествие в разные пункты от Хакассии до атлантического побережья Марокко.

Литература

- Балабанова М.А. 2012. О центральноазиатских связях в антропологии населения позднесарматского времени Восточной Европы. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 3, 82—91.
- Банников А.В. 2013. *Эволюция римской военной системы в I—III вв. (от Августа до Диоклетиана)*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р. 2018. *Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника)*. Москва: Нестор-История.

- Богомолов Г.И. 2003. Каменная стела из окрестностей Мингурюка. *Археология, этнография и антропология Евразии* 4, 83—95.
- Винокуров Н.И. 2007. Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. н.э. в боспорской крепости Артезиан. В: Гулдагер Билде П., Вахтина М.Ю., Зуев В.Ю., Кашаев С.В., Соколова О.Ю., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции*. Ч. 1. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 190—199.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1984. *Инодоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. Тбилиси: Тбилисский университет.
- Драчук В.С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Костромичев Д.А. 2016. Тамга солдата: сарматский стиль в римском военном снаряжении. *Stratum plus* 4, 125—138.
- Крапивина В.В. 2004. Свинцовая пластина с сарматскими знаками из Ольвии. В: Зинько В.И. (ред.). *БЧV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы*. Керчь: Центр археологических исследований БФ «Деметра», 205—208.
- Ларенок В.А. 2013. *Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999—2000 гг.* Ч. 1. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом.
- Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. 2010. Происхождение позднесарматской культуры: к постановке проблемы. В: Скрипкин А.С. (ред.). *Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным)*. Волгоград: ВГУ, 37—56.
- Рогожинский А.Е. 2011. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья. В: Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. (ред.). *Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Материалы международной научной конференции*. Т. 2. Кемерово: САИПИ, 87—99.
- Рогожинский А.Е. 2016. Незадолго до Чжан Цяня: след движения номадов из центра Азии на Запад в последние века до нашей эры. В: Деревянко А.П., Молодин Е.И. (ред.). *Алтай в кругу евразийских древностей*. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 527—549.
- Рогожинский А.Е., Аубекеров Б.Ж., Сала Р. 2004. Памятники Казахстана. В: Рогожинский А.Е. (ред.). *Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация*. Алматы: ЮНЕСКО, 45—92.
- Скрипкин А.С. 1992. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнической истории. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Москва: ИА РАН.
- Соломоник Э.И. 1959. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Сулайманова А.Т., Жолдошев Ч.М., Дуйшаналиева А.Т. 2016. *Археологический ландшафт Саймалуу-Таш. Книга-альбом*. Бишкек: Археологическое наследие «Ала-Тоо».
- Туровский Е.Я. 2004. Новые памятники материальной культуры скифов с территории Керченского полуострова. В: Зуев В.Ю. (ред.). *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников*. Ч. 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 245—248.
- Яценко и др. 2019: Яценко С.А., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Табалдыев К.Ш., Баратов С.Р., Ильясов Дж.Я., Бабаяров Г.Б., 2019. *Тамги доисламской Центральной Азии*. Самарканд: МИЦАИ.
- Яценко и др. 2020: Яценко С.А., Авизова А.К., Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А.В., Китов Е.П., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торежанова Н.Ж., Тур С.С., Иванов С.С., 2020. *Археология и история Кангюйского государства*. Шымкент: Элэм.
- Яценко С.А., Шевченко Е.Б., Усенко В.П. 2022. О серии каменных плит с сарматскими тамгами из Одесского археологического музея. *Stratum plus* 6 (в печати).
- Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература.
- Яценко С.А. 2009. Знаки собственности сарматского облика (gakk/nishan) в сельских районах Боспорского царства I—III вв. н.э. *ДБ* 13, 539—552.
- Яценко С.А. 2016. Некоторые проблемы археологического изучения погребальной обрядности. *Новое прошлое* 4, 31—48.
- Яценко С.А. 2017. Китай, Фергана, Кангюй и сарматы в торговле рубежа н.э. — середины III в. н.э. В: Вдовченков Е.В. (ред.). *Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока. Материалы XII международной археологической конференции*. Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ, 256—277.

- Яценко С.А. 2018а. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии. *Stratum plus* 6, 217—242.
- Яценко С.А. 2018б. Заметки по планиграфии Усть-Альминского некрополя в крымской Малой Скифии. *МАИАСП* 10, 98—117.
- Яценко С.А. 2020. Использование сарматских тамг западными и северными соседями сарматов в I—IV вв. н.э. *Археологическое наследие* 1 (3). *Античность, скифы, сарматы*, 409—420.
- Яценко С.А. 2022. О сарматской орнаментике. *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 15 (в печати).
- Яценко С.А., Чореф М.М., 2022. Об атрибуции статера царя Митридата, найденного в 2013 г. при раскопках городища Артезиан. *Stratum plus* 6 (в печати).
- Marsadolov L.S., Yatsenko S.A. 2004. Accumulation of tamga-Signs from Salbyk Valley (Khakasia, South Siberia). *Silk Road Art and Archaeology* 10, 291—304.
- Rogozhinskii A.E., Yatsenko S.A. 2015. The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: the Route from East to West in the 2nd Century BCE — the 2nd Century CE. *The Silk Road* 13, 109—125.
- Treister M. 2000. Local Imitations of the Details of Roman Military Costume in the Bosphoran Kingdom. In: Thomas R. (ed.). *Antike Bronze. Werkstattkreise Figuren und Geräte. Frien des 14. International Kongresses für antike Bronzen*. Köln: Gebr. Mann, 363—373.

References

- Balabanova, M.A. 2012. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography)* 3, 82—91 (in Russian).
- Bannikov, A.V. 2013. *Evolutsiya rimskoy voyennoy sistemy v I—III vv. (ot Avgusta do Diokletiana) (The evolution of the Roman military system in the 1st — 3rd cc. (from Augustus to Diocletian))*. Saint Petersburg: Evraziya (in Russian).
- Beglova, E.A., Erlikh, V.R. 2018. *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoye vremya (po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika) (Meots of the Trans-Kuban region in the Sarmatian time (based on the materials of the Tenginsky soil burial ground))*. Moscow: Nestor-Istoriya (in Russian).
- Bogomolov, G.I. 2003. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia)* 4, 83—95 (in Russian).
- Vinokurov, N.I. In: Guldager Bilde, P., Vakhtina, M.Yu., Zuev, V.Yu., Kashayev, S.V., Sokolova, O.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporus Phenomenon: Sacred Meaning of the Region, Monuments, Finds. Materials of the international scientific conference)*. Pt. 1. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 190—199 (in Russian).
- Gankrelidze, T.V., Ivanov, V.V. 1984. *Inodevropeskiy yazyk i indoyevropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazyka i protokul'tury (Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical-typological analysis of proto-language and proto-culture)*. Tbilisi: Tbilisskiy universitet (in Russian).
- Drachuk, V.S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya (Systems of signs of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Kostromichev, D.A. 2016. In *Stratum plus* 4, 125—138 (in Russian).
- Krapivina, V.V. 2004. In: Zin'ko, V.I. (ed.). *Bosporskiye chteniya (Bosporan readings) V. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Etnicheskiye protsessy (Bosporus Cimmerician and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. ethnic processes)*. Kerch: Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy BF "Demetra", 205—208 (in Russian).
- Larenok, V.A. 2013. *Meotskiye drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov Kobyakova gorodishcha iz raskopok 1999—2000 gg. (Meotian Antiquities. Catalog of burial complexes of Kobyakovo settlement from excavations in 1999—2000)*. Pt. 1. Rostov-on-Don: Donskoy izdatel'skiy doin (in Russian).
- Malashev, V.Yu., Moshkova, M.G. 2010. In: Skripkin, A.S. (ed.). *Stanovleniye i razvitiye pozdnesarmatskoy kul'tury (po arkheologicheskim i yestestvennonauchnym dannym) (Formation and development of late Sarmatian culture (according to archaeological and natural science data))*. Volgograd: VGU, 37—56 (in Russian).

- Rogozhinskii, A.E. 2011. In: Miklashevich, E.A., Mukhareva, A.N. (ed). *Naskal'noye iskusstvo v sovremennom obshchestve (k 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoy pisanitsy). Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Rock art in modern society (to the 290th Anniversary of the scientific discovery of the Tomsk rock art site). Materials of the international scientific conference)*. Vol. 2. Kemerovo: SAIPI, 87—99 (in Russian).
- Rogozhinskii, A.E. 2016. In: Derevyanko, A.P., Molodin, E.I. (eds.). *Altay v krugu yevraziyskikh drevnostey (Altai in the circle of Eurasian antiquities)*. Novosibirsk: IAE SO RAN, 527—549 (in Russian).
- Rogozhinskii, A.E., Aubekero, B.Zh., Sala, R. 2004. In: Rogozhinskii, A.E. (ed). *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Tsentral'noy Azii: obshchestvennoye uchastiye, menedzhment, konservatsiya, dokumentatsiya (Monuments of rock art of Central Asia: public participation, management, conservation, documentation)*. Almaty: YUNESKO, 45—92 (in Russian).
- Skripkin, A.S. 1992. *Asian Sarmatia. Problems of chronology, periodization and ethnic history*. Dr. Habil. Thesis Abstracts. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Solomonik, E.I. 1959. *Sarmatskiye znaki Severnogo Prichernomor'ya (Sarmatian signs of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Sulaymanova, A.T., Zholdoshev, Ch.M., Duyshanaliyeva, A.T. 2016. *Arkheologicheskiy landshaft Saymaluu-Tash. Kniga-al'bom (Archaeological landscape of Saimaluu-Tash. Book-album)*. Bishkek: Arkheologicheskoye naslediyе “Ala-Too” (in Russian).
- Turovskiy, E.Ya. 2004. In: Zuev, V.Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov (The Bosporan Phenomenon: Problems of Chronology and Dating of Monuments)*. Pt. 2. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 245—248 (in Russian).
- Yatsenko i dr. 2019: Yatsenko, S.A., Rogozhinskii, A.E., Smagulov, E.A., Tabaldyyev, K.Sh., Baratov, S.R., Il'yasov, Dzh.Ya., Babayarov, G.B., 2019. *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii / Tamgas of pre-Islamic Central Asia*. Samarkand: MITSAI (in Russian and English).
- Yatsenko i dr. 2020: Yatsenko, S.A. Avizova, A.K., Torgoyev, A.I., Saipov, A., Kulish, A.V., Kitov, E.P., Rogozhinskii, A.E., Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A., Torezhanova, N.Zh., Tur, S.S., Ivanov, S.S., 2020. *Arkheologiya i istoriya Kangyuyskogo gosudarstva (Archaeology and history of the Kangju state)*. Shymkent: Ælem (in Russian).
- Yatsenko, S.A., Shevchenko, E.B., Usenko, V.P. 2022. In *Stratum plus 6* (in print) (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2009. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 13, 539—552 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2016. In *Novoye proshloye (The New Past)* 4, 31—48 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2017. In: Vdovchenkov, E.V. (ed.). *Problemy arkheologii Vostochnoy Yevropy i Dal'nego Vostoka. Materialy XII mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii (Problems of archeology of Eastern Europe and the Far East. Materials of the 12th International Archaeological Conference)*. Rostov-on-Don; Taganrog: YUFU, 256—277 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2018a. In *Stratum plus 6*, 217—242 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2018b. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 98—117 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2020. In *Arkheologicheskoye naslediyе (Archaeological heritage)* 1 (3). *Antichnost', skify, sarmaty (Antiquity, Scythians, Sarmatians)*, 409—420 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2022. In *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of culture of the peoples of the North Caucasus)* 15 (in print) (in Russian).
- Marsadolov, L.S., Yatsenko, S.A. 2004. Accumulation of tamga-Signs from Salbyk Valley (Khakasia, South Siberia). *Silk Road Art and Archaeology* 10, 291—304.
- Rogozhinskii, A.E., Yatsenko, S.A. 2015. The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: the Route from East to West in the 2nd Century BCE — the 2nd Century CE. *The Silk Road* 13, 109—125.
- Treister, M. 2000. Local Imitations of the Details of Roman Military Costume in the Bosporan Kingdom. In: Thomas, R. (ed.). *Antike Bronze. Werkstattkreise Figuren und Geräte. Frten des 14. International Kongresses für antike Bronzen*. Köln: Gebr. Mann, 363—373.

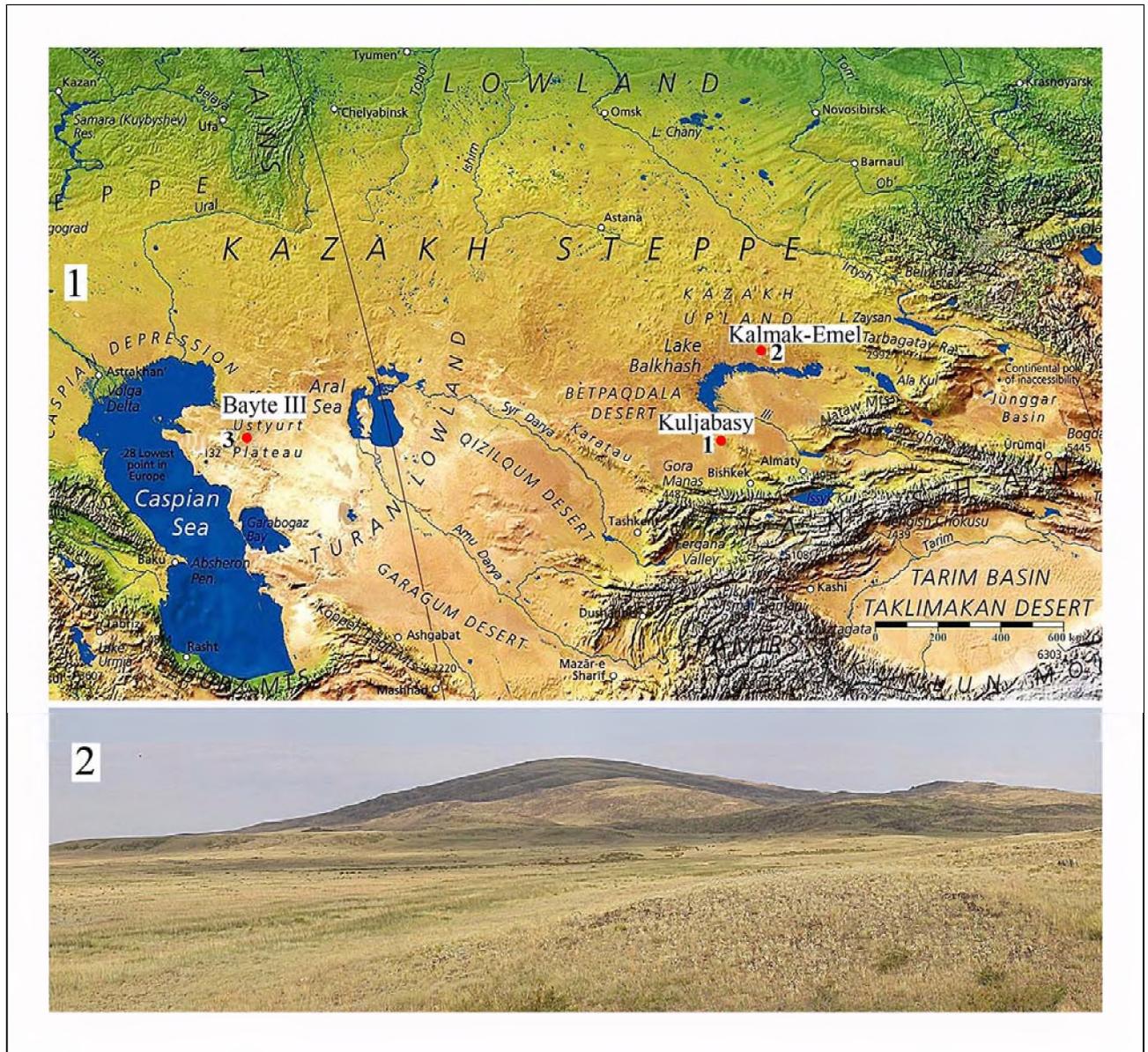

Рис. 1. Основные упоминаемые объекты на территории Казахстана: 1 — основа карты любезно предоставлена В.А. Новоженовым; 2 — Калмак-Эмель, общий вид (фото А.Е. Рогожинского).

Fig. 1. The main mentioned objects on the territory of Kazakhstan: 1 — the basis of the map is kindly provided by V.A. Novozhenov; 2 — Kalmak-Emel, general view (photo by A.E. Rogozhinskii).

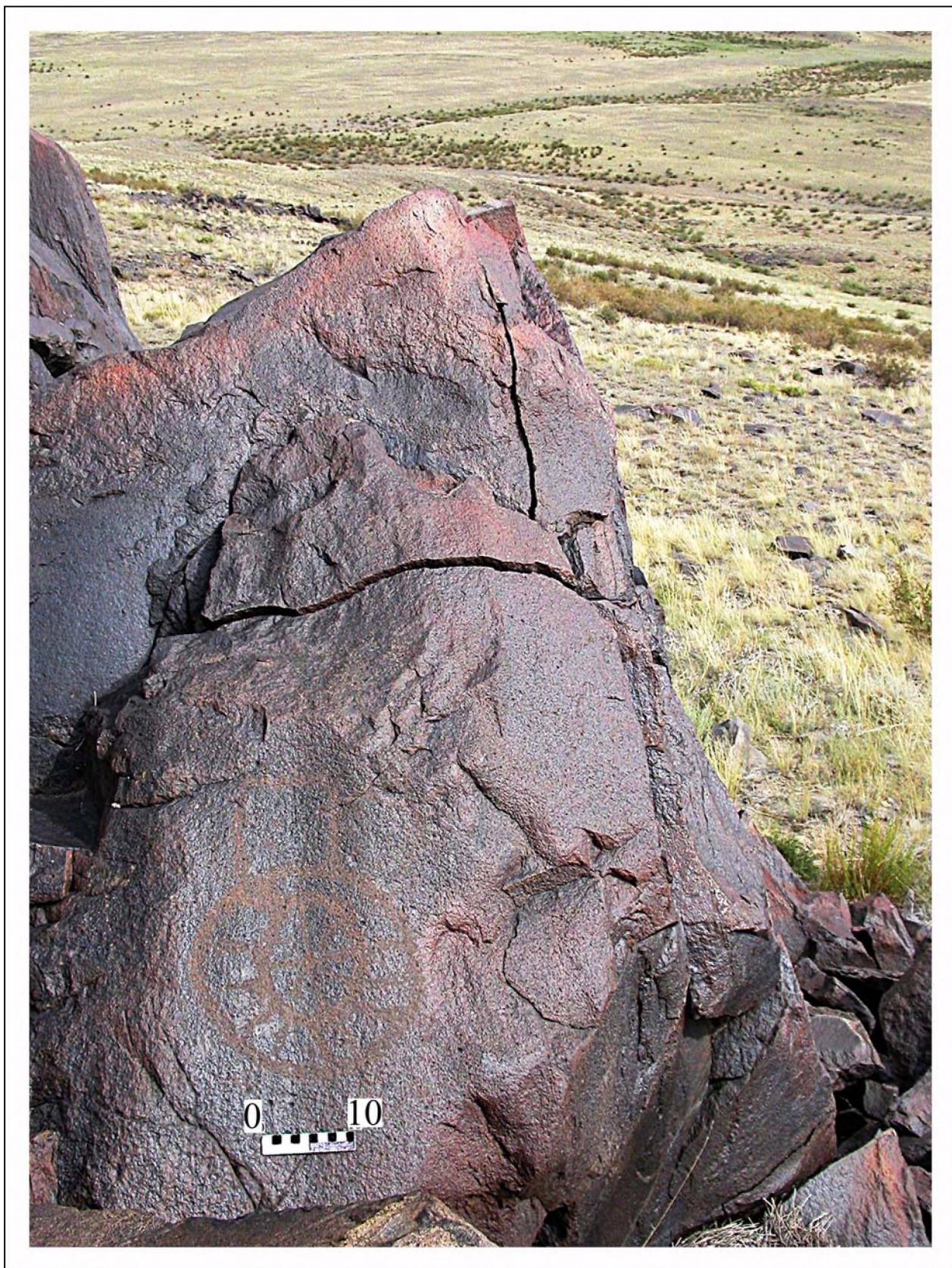

Рис. 2. Калмак-Эмель. Скальная плоскость с изображением зеркала-подвески (фото А.Е. Рогожинского).

Fig. 2. Kalmak-Emel. A rock plane with the image of a mirror-pendant (photo by A.E. Rogozhinskii).

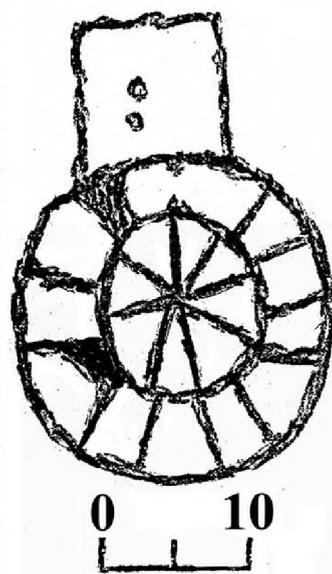
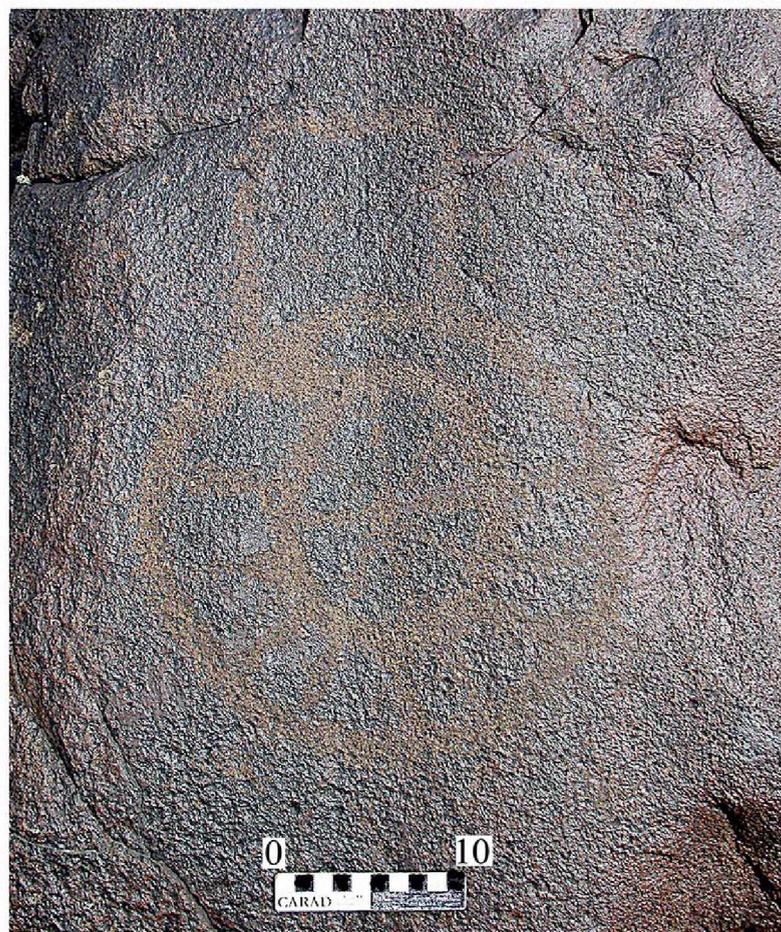

Рис. 3. Калмак-Эмель. Зеркало-подвеска (фото А. Е. Рогожинского, рис. С.А. Яценко).

Fig. 3. Kalmak-Emel. The mirror-pendant (photo by A.E. Rogozhinskii, drawing by S.A. Yatsenko).

Рис. 4. Кульжабасы. Сцена с животными и двумя зеркалами (фото А.Е. Рогожинского).

Fig. 4. Kuljabasy. The composition with animals and two mirrors (photo by A.E. Rogozhinskii).

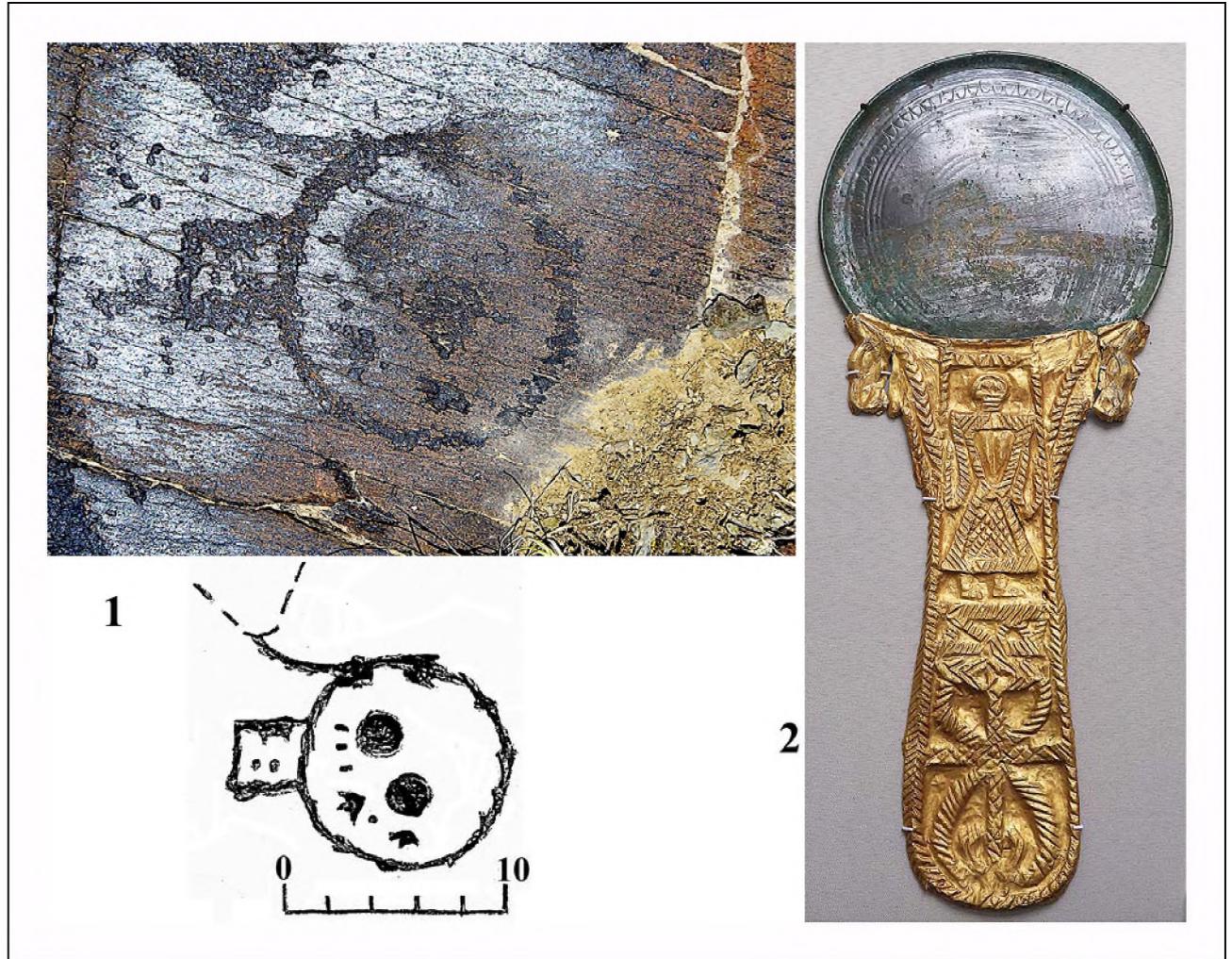

Рис. 5. Зеркало-подвеска из Кульжабасы (фото А.Е. Рогожинского, рис. С.А. Яценко) и раннесарматская аналогия зеркалу с длинной ручкой, Волгоградская обл. (фото С.А. Яценко, ГИМ, май 2021 г., выставка «Европа без границ»).

Fig. 5. The mirror-pendant from Kuljabasy (photo by A.E. Rogozhinskii, drawing by S.A. Yatsenko) and the Early Sarmatian analogy to a mirror with a long handle, Volgograd Region (photo by S.A. Yatsenko, State Historical Museum, May 2021, the exhibition "Europe without a borders").

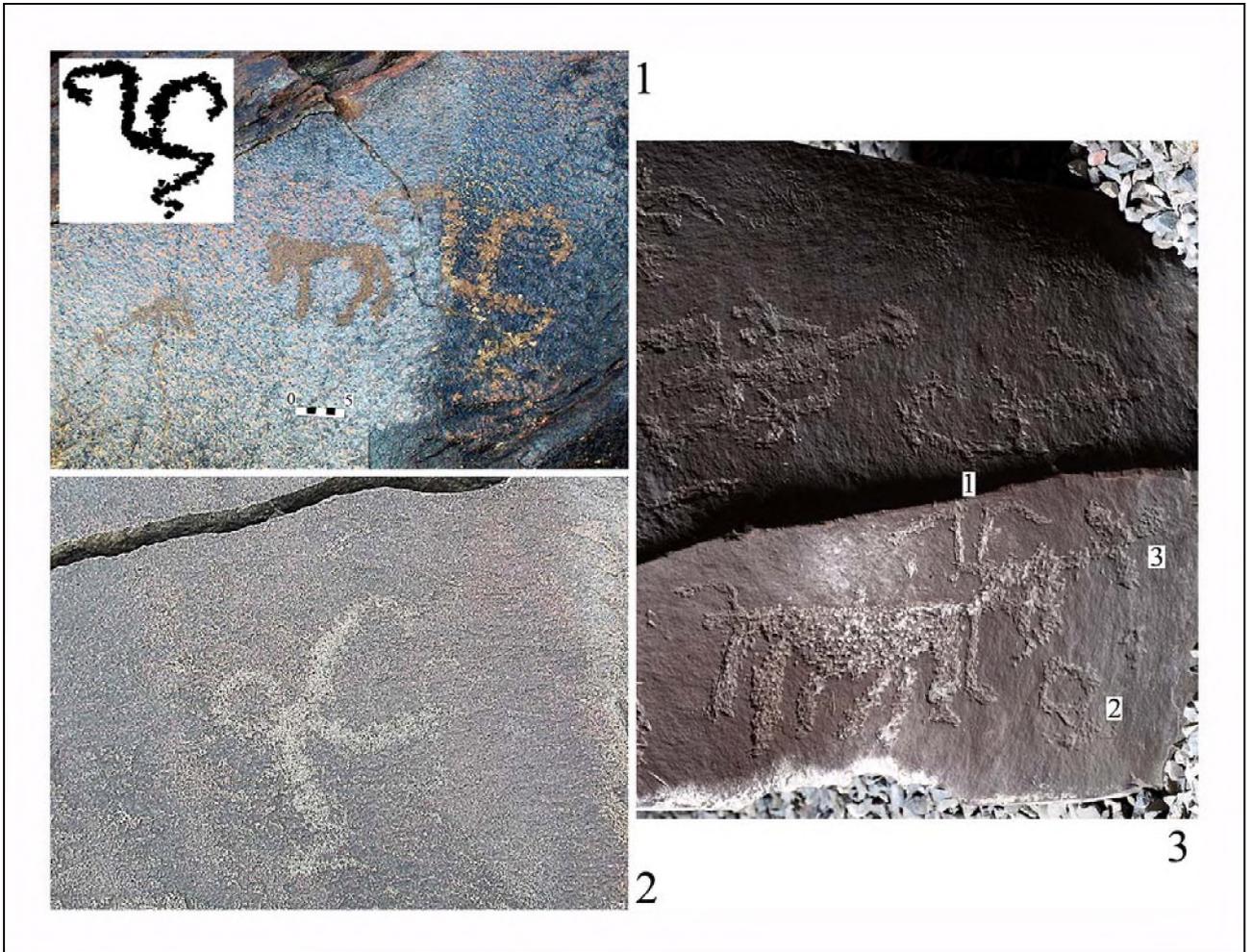

Рис. 6. Калмак-Эмель. Тамги и их аналогии: 1—2 — фото А.Е. Рогожинского; 3 — тесинская тамга на стеле из Минусинского музея (фото Е.А. Миклашевич).

Fig. 6. Kalmak-Emal. Tamga-signs and their analogies: 1—2 — photo by A.E. Rogozhinskii; 3 — Tesimo tamga on the stele from Minusinsk Museum (photo by E.A. Miklashvich).

МОНЕТЫ	ЗНАК	УСТИЮРТ МАНГЫСТАУ	ТАЛАС	СЕМИРЕЧЬЕ	ПРИБАЛХАШЬЕ
Хорезм 1		Байте III 		Чу-Илийские горы 	
Хорезм 2 Вазамар					Калмак-Эмель
Хорезм 3 Арграмуш		Каракабак 		Чу-Илийские горы 	Жельдебе
Боспор 4 Митридат III					
Кушания 5 Канишка I			Чу-Илийские горы		
Аорсия 6 Иненсимей			Чийимташ 		

Рис. 7. Царские тамги на монетах и их центральноазиатские прототипы (составлено авторами).

Fig. 7. The kings' tamgas on a coins and their Central Asiatic prototypes (compiled by the authors).

Рис. 8. Калмак-Эмель. Тамга позднеатагарского облика и связанная с нею композиция (фото А.Е. Рогожинского).

Fig. 8. Kalmak-Emel. Tamga of the Late Tagar type and the composition connected with it (photo by A.E. Rogozhinskii).

Рис. 9. Калмак-Эмель. Позднетагарские мотивы: 1 — головной убор с султанчиком; 2 — тамга в форме лошадиного копыта и связанные с нею животные (фото А.Е. Рогожинского).

Fig. 9. Kalmak-Emel. The Late Tagar motifs: 1 — a headdress with a plume; 2 — tamga in the shape of a horse's hoof and the animals connected with it (photo by A.E. Rogozhinskii).

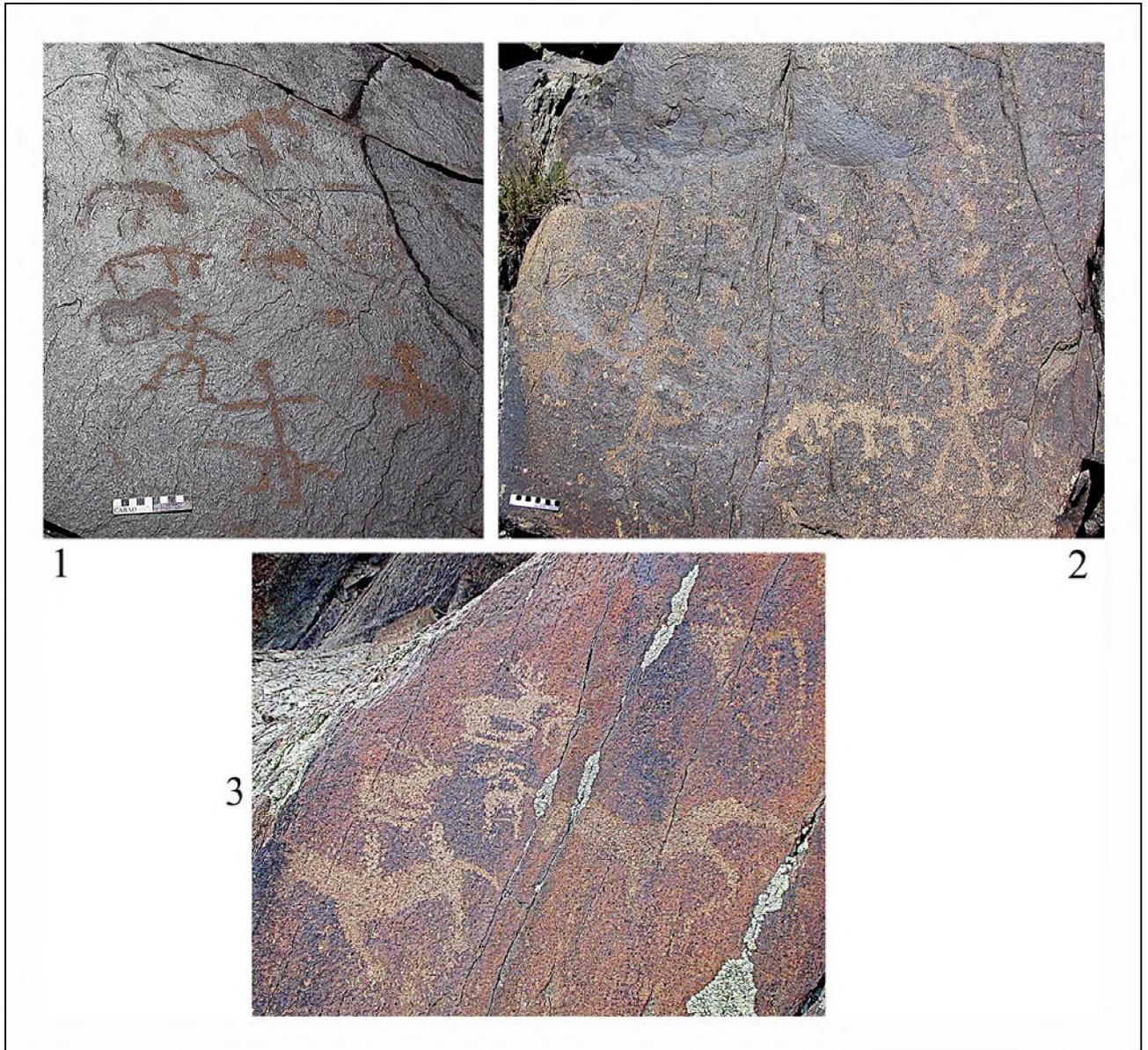

Рис. 10. Калмак-Эмель. Позднетагарские мотивы: 1—2 — сцены с «тагарскими человечками»; 3 — олени, лошади и фигура человека в рамке (фото А.Е. Рогожинского).

Fig. 10. Kalmak-Emal. The late Tagar motifs: 1—2 — the compositions with the “Tagar little men”; 3 — deers, horses and a framed figure of man (photo by A.E. Rogozhinskiĭ).

Рис. 11. Большой Салбыкский курган. Угловой камень № 14 с тамгами (фото С.А. Яценко).

Fig. 11. The Great Salbyk Barrow. The corner stone No 14 with tamgas (photo by S.A. Yatsenko).

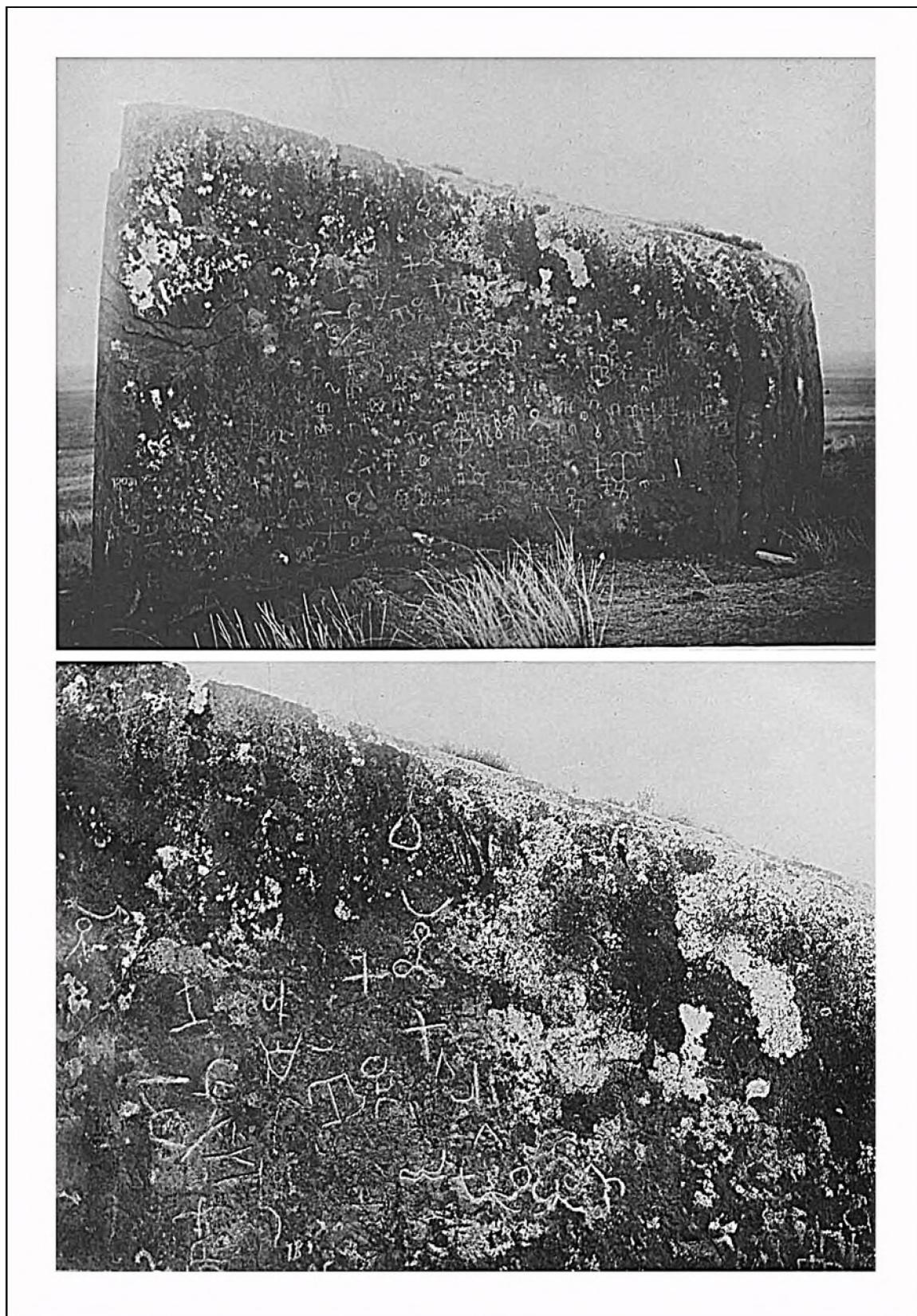

Рис. 12. Большой Салбыкский курган. Угловой камень № 14 с тамгами, фото середины XX в. (по Marsadolov, Yatsenko 2004).

Fig. 12. The Great Salbyk Barrow. The corner stone No 14 with tamgas, the middle 20th c. photo (after Marsadolov, Yatsenko 2004).

Рис. 13. Большой Салбыкский курган. Угловой камень № 14 (фото С.А. Яценко).

Fig. 13. The Great Salbyk Barrow. The corner stone No 14 (photo by S.A. Yatsenko).

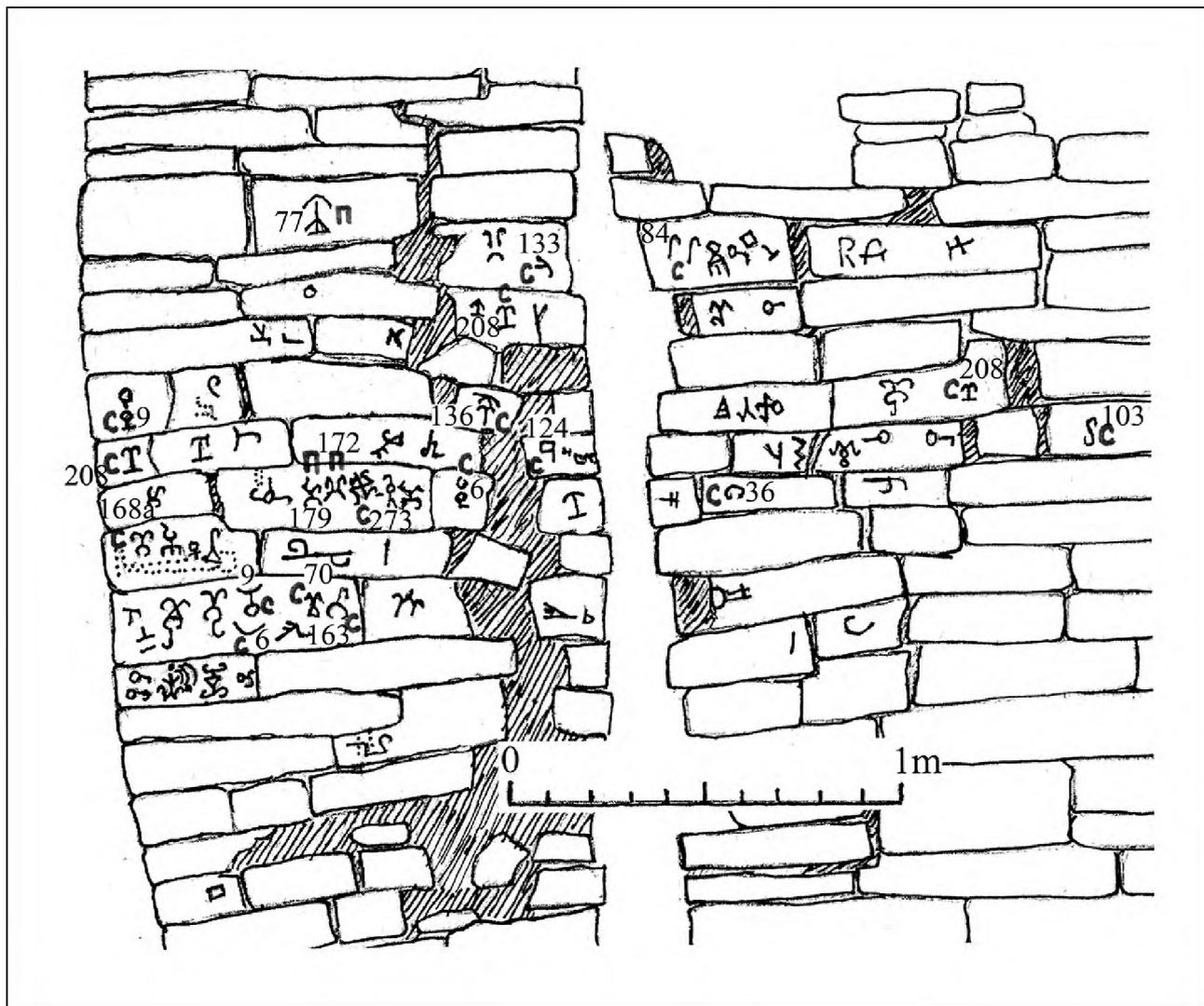

Рис. 15. Храм Байте III. Скопление тамг № 1. Распределение сарматских тамг по культурам и регионам (рисунок С.А. Яценко).

Fig. 15. Bayte III temple. Accumulation of signs No 1. The distribution of Sarmatian tamgas by cultures and regions (drawing by S.A. Yatsenko).

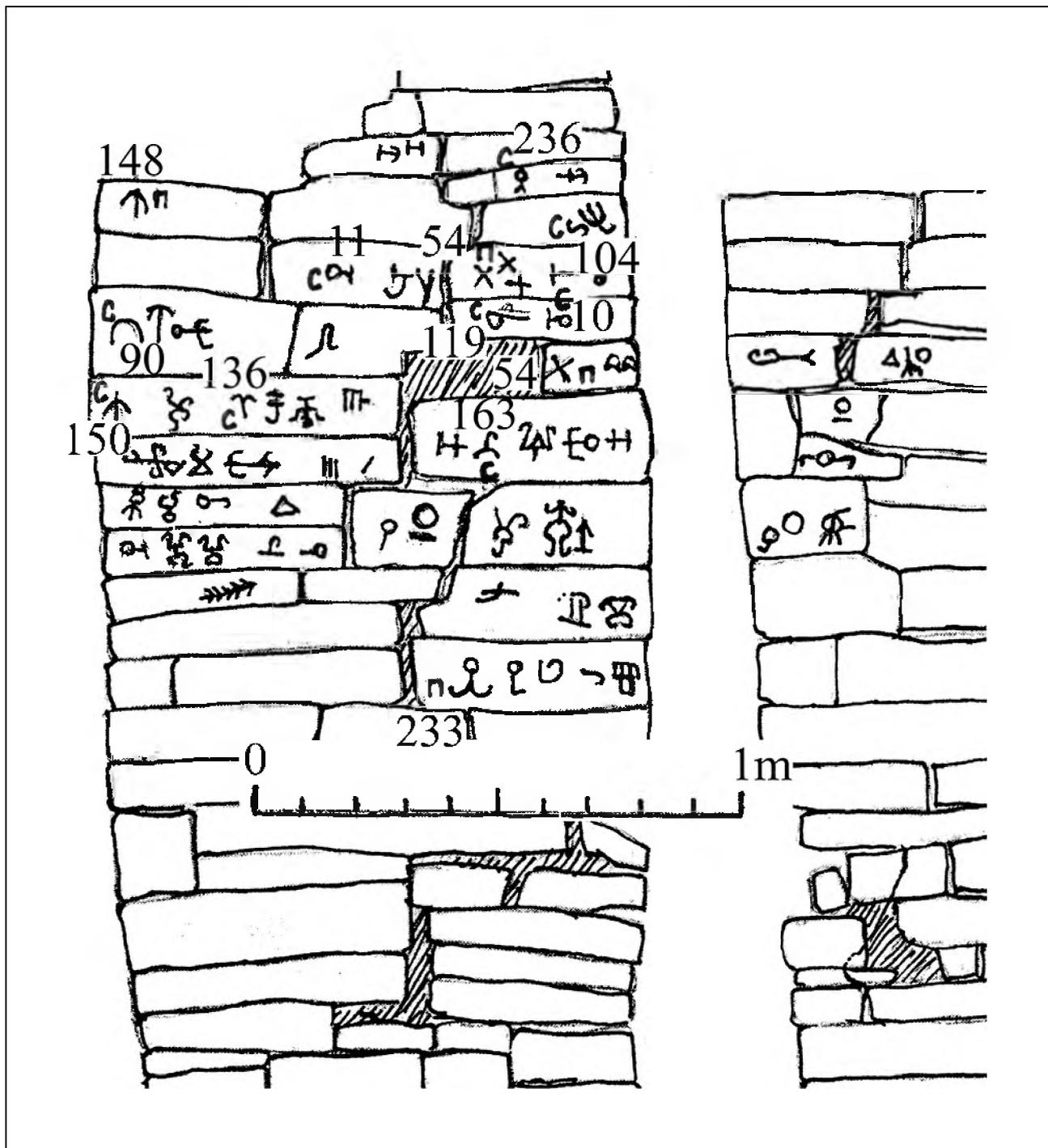

Рис. 16. Храм Байте III. Скопление тамг № 2. Распределение сарматских тамг по культурам и регионам (рисунок С.А. Яценко).

Fig. 16. Bayte III temple. Accumulation of signs No 2. The distribution of Sarmatian tamgas by cultures and regions (drawing by S.A. Yatsenko).

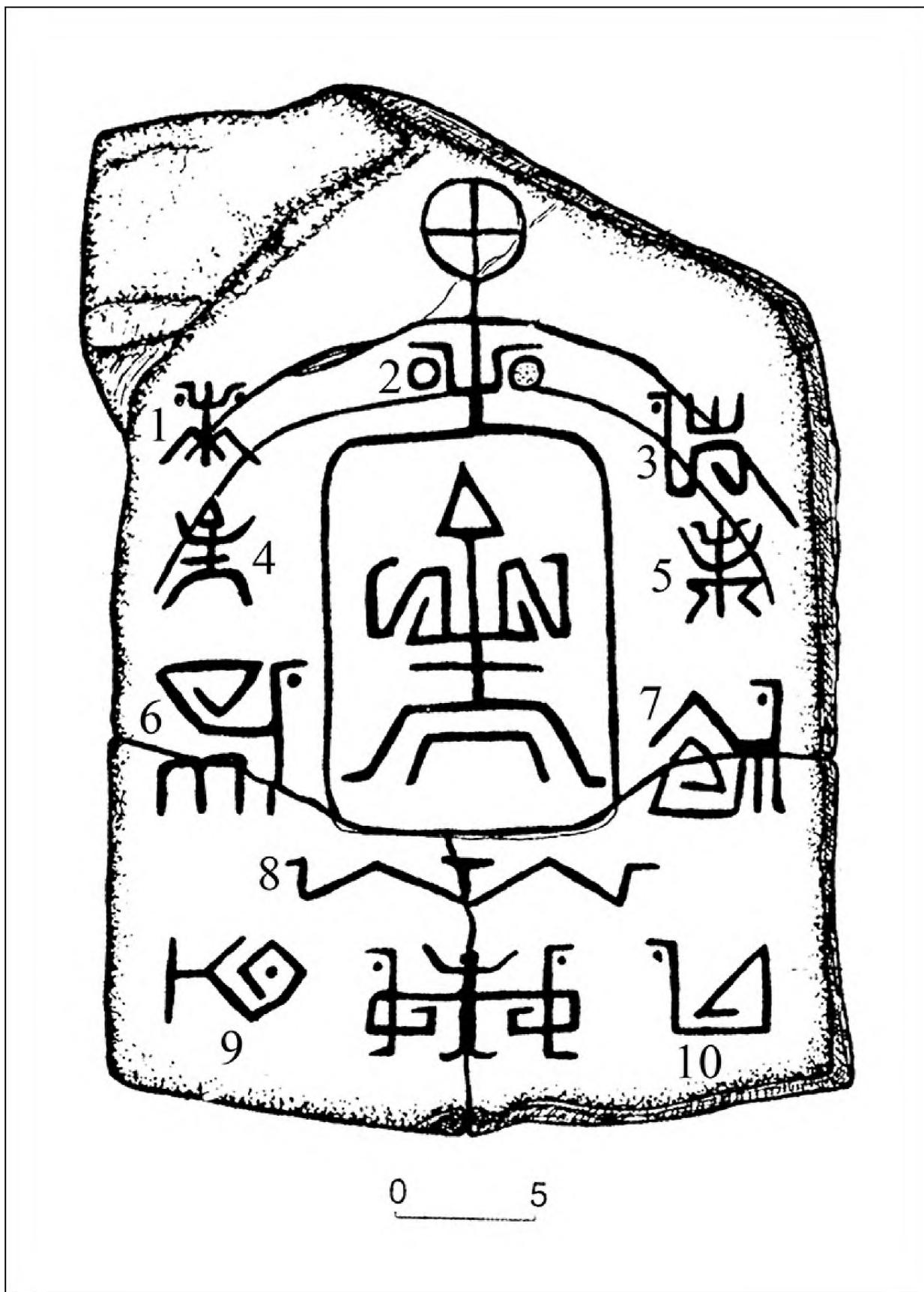

Рис. 17. Стела из некрополя городища Мингурюк (по Яценко и др. 2019: 201).

Fig. 17. Stele from the necropolis of Minguriuk hill fortress (after Yatsenko i dr. 2019: 201).

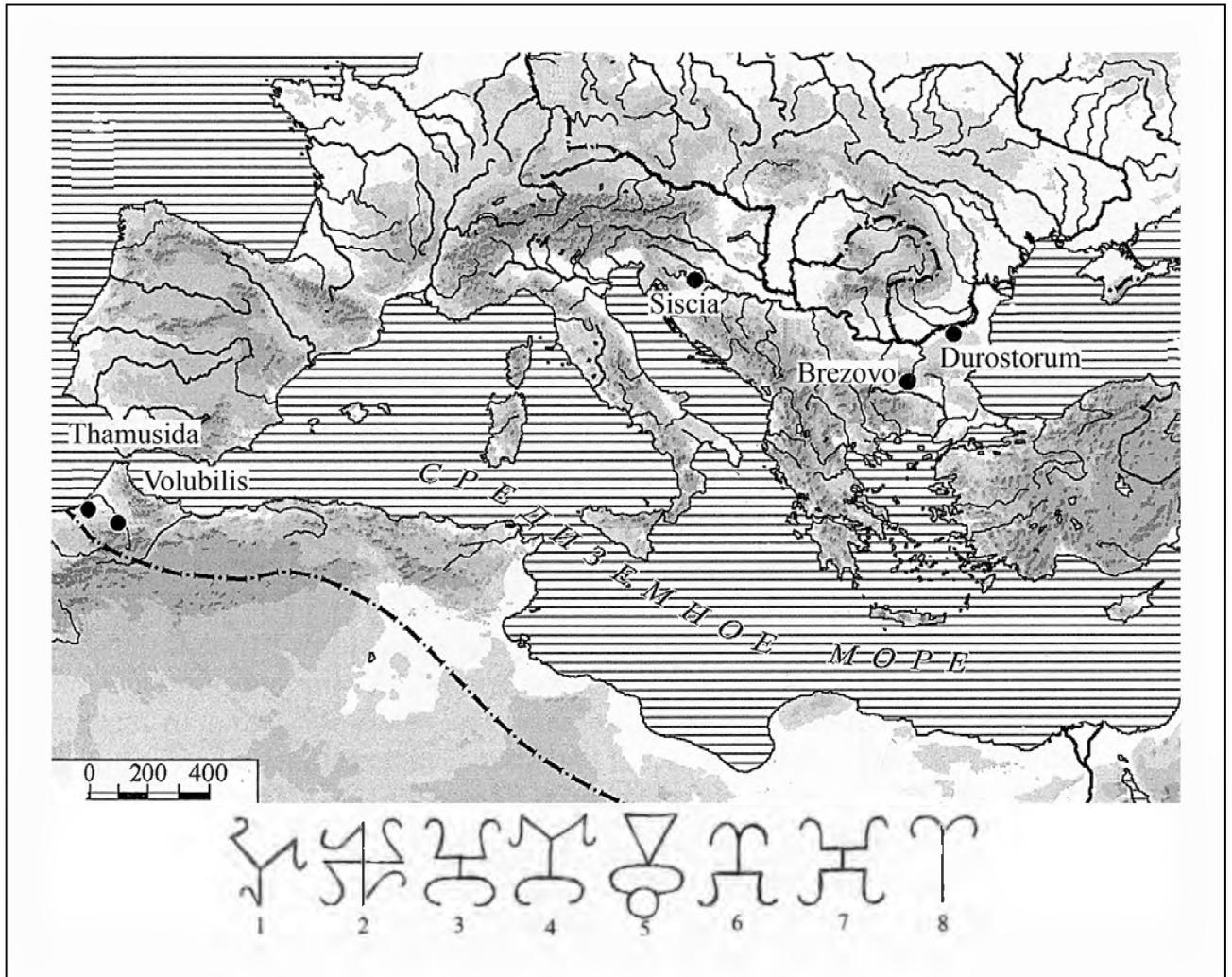

Рис. 18. Сарматские тамги на конской упряжи и поясах римской армии второй четверти — середины II в. н.э. (для основы карты использовано: Костромичев 2016: рис. 1); типы знаков — рисунок С.А. Яценко.

Fig. 18. Sarmatian tamgas on the horse harness and belts of the Roman army of the 2nd quarter — middle of the 2nd c. CE (the basis of map used partly from: Kostromichev 2016: fig. 1); the types of signs — S.A. Yatsenko drawing.

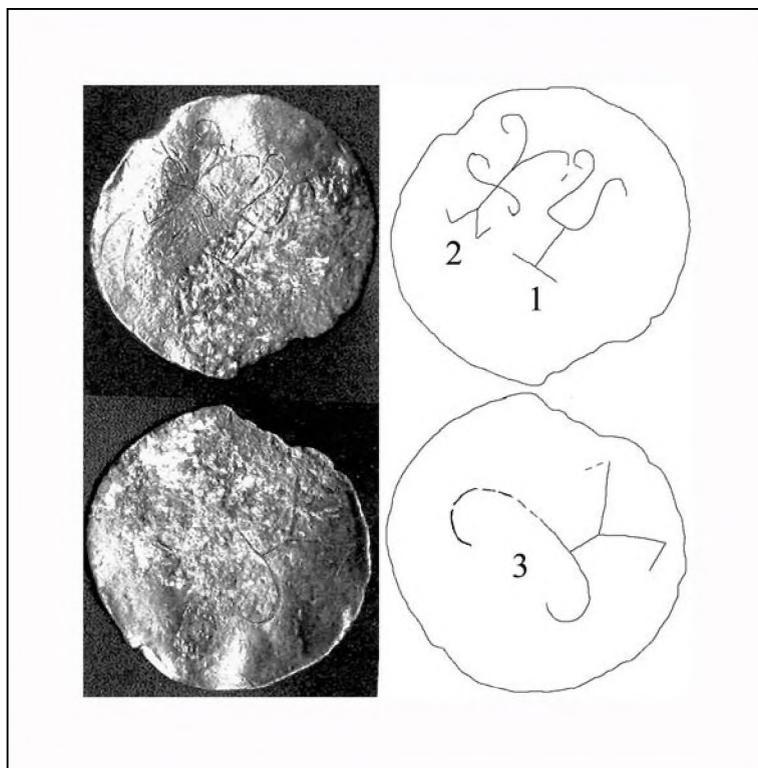

Рис. 19. Свинцовый диск из Ольвии (Крапивина 2004, с уточнениями С.А. Яценко).

Fig. 19. The lead disc from Olbia (after Krapivina 2004, with the additions of S.A. Yatsenko).

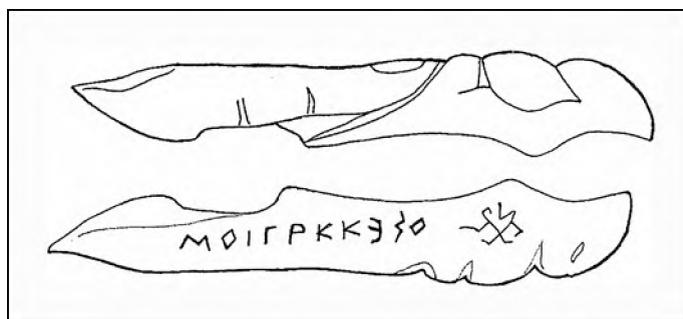

Рис. 20. Костяной нож из кургана у г. Керчь (по Туоровский 2007).

Fig. 20. The bone knife from a barrow near Kerch (after Turovskii 2007).